

АЛЬФОНС ОЛАР

ЦЕРКОВЬ и ГОСУДАРСТВО

в ЭПОХУ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Перевод с франц. Н.Рубинштейна

Предисловие Р.Пельше

Харьков: государственное издательство Украины. 1925

Веб-публикация: редакторы сайтов [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2009
Дореформенная орфография и написания имен собственных оригинала сохранены.
Нумерация и порядок примечаний редактора и переводчика нами изменены. Ссылки на тематические работы даны нами.

Предисловие Р.Пельше

Предисловие переводчика Н.Рубинштейн

Глава I. Учредительное Собрание

Глава I Законодательное Собрание

Глава III. Изъятие актов гражданского состояния из ведения церкви

Глава IV. Национальный Конвент до 9-го термидора

ПРЕДИСЛОВИЕ

Олар - один из лучших французских историков. Его работы о Великой французской революции пользуются общей известностью. Олар, в отличие от таких историков, как Блосс, Минье, не восторгается, не стремится играть на чувствах, фантазии, а действует фактами и документами. Это - сильная сторона Олара.

Олар ушел от идеалистического метода анализа. Корни политических событий он ищет в самой жизни, а не в идеях гениев. Все же, он не примкнул к последовательному материалистическому методу и мировоззрению и находится между двумя полюсами.

Поэтому, исключительный знаток французской революции и вообще один из самых выдающихся и прогрессивных ученых Франции, Олар в состоянии нарисовать нам прекрасную внешнюю картину событий; но внутренних движущих социальных сил в этом историческом "пейзаже" мы все же не увидим сколько-нибудь достаточно ясно.

Настоящая работа Олара дает нам полную картину состояния и развития взаимоотношений между церковью и государством во время революции 18 столетия. Но все же, это картина описательная по существу, а не аналитическая, т.е. она в достаточной мере показывает, как религиозное движение является довольно крупной составной частью той жестокой классовой борьбы, которая порою, под прикрытием блестящих фраз, пышных словесных фейерверков о равенстве и братстве, происходила между нисходящим феодализмом и восходящей крупной и мелкой буржуазией. Поэтому, читателю придется в значительной мере самостоятельно вскрывать внутреннюю природу скрытых в недрах социальной жизни классовых пружин событий, разворачивающихся в борьбе около церкви и религии. Канву же для этого процесса Олар дает вполне достаточную и, при этом, в живом и весьма интересном изложении.

Мы здесь позволим себе сделать только несколько предварительных замечаний и сравнений некоторых фактов из эпохи классической буржуазной революции и первой пролетарской революции.

Конечно, ошибается французский историк, когда он говорит, что "Франция - светское государство" и что "нигде идея светского государства не применяется так полно и не пользуется такой популярностью". Правда, еще в 1905 г., т.е. на 25 году после своего основания, III французская республика произвела отделение церкви от государства. Но с какой последовательностью соблюдается это отделение, эта "светскость", - об этом достаточно красноречиво говорит тот факт, что во время империалистической войны французское "светское" правительство установило должность... полковых священников.¹

"Христианство создало французскую государственность", категорически заявляет авторитетный историк. Это утверждение на редкость выпукло показывает, что Олар, прекрасно зная и талантливо описывая факты, все же почти совсем не улавливает внутренней механики основных движущих исторических факторов. А мы знаем, что единственной основной силой, из распыленных кусочков создавшей единый цельный государственный организм, является развитие

¹ Н.Лукин Революция и государство М. 1924, стр.28.

торгового, впоследствии - промышленного, капитала. Торговля и промышленность не могут развиваться и процветать в карликовых "парцельных" герцогствах, графствах. Капитализм - стихия золота, как океан, стихия воды, разрушает, затопляет отдельные островки, пороги. Создавши отдельные большие государства, он неизбежно идет дальше. Он рвется к мировым масштабам. Но, в силу диалектики развития истории человечества, знамя мирового государства - общества возвыется только на трупе капитализма.

Олар, совершенно этого не желая, блестяще доказывает, как робка, нерешительна была буржуазия даже в эпоху своей исторической молодости и революционного апофеоза, революционного кипения. Она шла ощупью, с неуверенностью слепой, цепляясь за каждую соломинку, боясь каждого препятствия.

Кроме того, Олар показывает, как поклонники "свободного от рождения" человека совершенно сознательно пользовались религией, как средством обмана темных народных масс. Вместо учителей и школы они давали народу попов и церкви. Вместо света знания - обман, ложь, яд рабства религии. И, как это ни странно, в этом больше других повинен глава якобинцев Робеспьер. В своей борьбе против атеистов Гебера, Шометта, Паша и др. Робеспьер дошел до того, что стал их обвинять в том, что будто "они продались врагам Франции, чтобы сделать французскую нацию ненавистной в глазах заграницы и разнуздать в Франции религиозную войну".²

Как это ни странно, все же - факт: отделение церкви от государства не было объявлено при Робеспьере, т.е. при господстве якобинцев - "крайних" левых. Только после падения Робеспьера и его партии (июль 1794), когда отделение церкви от государства в процессе самой жизни стало фактом, только тогда оно было объявлено и формально.

Наше рабоче-крестьянское правительство еще в первые месяцы своего существования, 20 января 1918 г., издало декрет "о свободе совести, церковных и религиозных обществ". Этим декретом объявляется действительная свобода совести: "каждый гражданин имеет право исповедывать любую религию или не исповедывать никакой" (ст.3). Это положение так же последовательно проводится декретом, как и принцип полного отделения церкви от государства, школы от церкви, исполнения актов гражданского состояния, регистрации браков, рождений и т.д. государственными органами, исключения из государственной сметы всех расходов на содержание какого бы то ни было религиозного культа, объявления народным достоянием всего церковного имущества и т.д.³

Хотя отделение церкви от государства проведено и в некоторых буржуазных государствах (Франция, Сев.Америка, Германия), тем не менее мы с полным правом можем сказать, что одна только Советская власть действительно и целиком, с железной последовательностью, объявила и провела принцип полного отделения церкви от государства со всеми отсюда вытекающими последствиями.

На первый взгляд кажется странным, непонятным, почему же буржуазные революционеры даже в эпоху своей классической революции, - в эпоху гордой декларации прав человека и гражданина, в эпоху признания суверенных прав народа, вплоть до права революционного восстания, - в эпоху буйного революционного хмеля и осуществления, как будто, гордых заветов своих философов, почему они даже в эти все же великие исторические дни и годы не могли совершенно и раз навсегда осуществить, казалось бы, такой небольшой, основ социального порядка не затрагивающей реформы? А пролетарские революционеры это сделали в первые месяцы своей власти одним ударом, глубоко, решительно и окончательно. В чем здесь дело? Как понимать эту колоссальную разницу в быстроте и порядке решения вопроса двумя революциями?

Причин несколько.

В исключительно осторожных, медленных и компромиссных действиях французских революционеров (ведь и республика была провозглашена только через 3 года с лишним после начала революции) уже выявляются основные черты тактики буржуазных политических партий: они плетутся в хвосте событий, а не становятся во главе их, не организуют и не углубляют, а тушат революционность масс. Читая книгу Олара, каждый убедится в правильности нашего утверждения.

Выше мы уже отметили, что для провозглашения отделения церкви от государства потребовалось около шести лет революционной борьбы. В начале революции было декретировано так наз. гражданское положение о духовенстве. По этому положению все священники должны были принести присягу на верность новому порядку и конституции. Не принесшие присяги считались добровольно отказавшимися от своей должности. Консервативные

² Генрих Кунов Борьба классов и партий в Великой французской революции 1789-1794. М. 1919, стр.520. Фрагменты книги в нашей библиотеке: http://vive-liberta.narod.ru/journal/revol_gazet.htm#kunow.

³ Здания и специальные предметы, предназначенные для богослужебных целей, отдаются в бесплатное пользование (ныне в собственность) религиозных обществ (при чем последние вообще не пользуются правами юридического лица. Ст.10-19).

элементы провинциального духовенства, руководимые высшими чинами церкви, главным образом, аристократического происхождения, не подчинились новому порядку. Началась долгая борьба в недрах самого духовенства и около духовенства. Революционное правительство и в этой борьбе оказалось и недостаточно решительным и недальновидным, давая, таким образом, возможность духовенству организовать в грозную и чрезвычайно контрреволюционную силу, неоднократно показывавшую себя на деле, т.е. в контр-революционных заговорах и восстаниях... Такова уж общественно-политическая природа буржуазных и мелко-буржуазных партий.

Чрезвычайно важным, а может быть, и решающим фактором в отношениях буржуазии к религии является то, что буржуазия, как класс, и буржуазный строй не могут существовать без религии. Ибо религия, в особенности христианская, есть философия рабской покорности и эксплуатации. Уже по своему происхождению она - философия рабства. Еще более резко эта черта подчеркивается. После того, как в 430 г. так наз. св.Августин, восстав против хилиазма, т.е. против ожидания "тысячелетнего царства блаженства" (рай) на земле, объявил это "ересью", а грядущее царство блаженства - рай - благоразумно перенес на небеса.⁴

Разрушение религии есть разрушение самой сильной идеологической опоры строя эксплуатации и обмана. Не даром еще до сих пор ни одно буржуазное государство не провело и никогда не проведет достаточно полно и последовательно отделения церкви от государства. Так, Сев. Американские Соединенные Штаты провели как бы это отделение, а вместе с тем, там глава государства - президент республики, - а так же правительства отдельных штатов вмешиваются в дела церкви, устанавливая разные специальные религиозные праздники; даже заседания парламента (конгресса) открываются молитвами специальных духовных чинов. Кроме того, государство содержит особых священников для армии и флота.⁵ Конечно, ни один из сотен фабрикантов и их адвокатов, сидящих в американском парламенте, лично не верит ни в бога, ни в чорта, но эта религиозная комедия нужна для обманывания массы "культурных" граждан великой заокеанской "демократии".

Достаточно вспомнить еще империалистическую войну. Во время войны и революции, когда ставится на карту вопросе бытии данного государства или общественного строя, естественным образом, выявляются как настоящие друзья, так и враги этого государства или строя. И вот мир не видел никогда более ярых, более ожесточенных защитников этого беспримерного в истории организованного убийства, грабежа, зверства, чем духовенство всех вероисповеданий и религий в эти годы чудовищных страданий народных масс. Боги и святые всех религий вообще привыкли к человеческой крови, но тогда они прямо утопали в ней. Ради чего? - Ради торжества принципа единого бога, имя которому - капитал.

Революционеры 1789 года, стремясь к дружбе с церковью, очевидно, руководствовались соображениями тактического и принципиального характера. Во первых, духовенство пользовалось огромным влиянием на мало культурные массы Франции. "Священнослужители, это - духовная гвардия", как 9 апреля 1790 г. говорил депутат Учред. Собрания Шассэ. Иметь на своей стороне эту "духовную гвардию" казалось чрезвычайно целесообразным. Во-вторых, "представители французов, преданные религии предков и католической церкви", - как гласит постановление конституанты от 21 января 1791 г. - конечно, не могли ни при каких условиях поднять знамя восстания и против религии. Между буржуазным государством и церковью могут быть недоразумения и прения только временного и второстепенного характера. "Милые бранятся, только тешатся", говорит народная мудрость.

И действительно, интересный круг описали взаимоотношения между молодой французской буржуазией и церковью в пределах 10 лет революции. Вначале - скромное "гражданское положение о духовенстве", крайне нерешительная борьба за проведение в жизнь этого положения. Закон об изъятии из ведома церкви актов гражданского состояния (20 сентября 1792). Присоединение конституционного (присягнувшего) духовенства к контр-революционному восстанию и разочарование якобинцев в прогрессивном духовенстве (осень 1793). Закон о пособии священникам, сложившим с себя сан (23 ноября 1793). Упразднение бюджета культа (27 марта 1794). Наконец - формальное отделение церкви от государства.

Но, увы, революционные настроения буржуазии скоро оказались исчерпанными. Уже в 1801 г. во время консулата отменяется закон об отделении церкви от государства, и первый консул, ген. Бонапарт, которому уже тогда мерещилась императорская корона, подписывает с главой католической церкви, папой Пием VII, соглашение, или так наз. конкордат. Основания этого акта и, пожалуй, характер всей буржуазной политики выразил Бонапарт, с ореолом славы вернувшийся из Египта: "В Египте я был магометанином, во Франции я должен быть католиком".⁶

⁴ См. К.Каутский. История социализма, т.I.

⁵ Н.Суворов. Учебник церковного права. Стр.554. Цитировано по Лукину.

⁶ G.Brandes Die Literatur des neunzehnten Jahrhunderts. Leipzig, 1883, т.III, стр.55.

Только после 104-летнего господства буржуазии - в 1905 г. - во Франции опять было объявлено отделение церкви от государства. Но уже выше мы отметили крайнюю непоследовательность в этом вопросе французского правительства, дошедшего даже до установления должностей полковых священников.

Нас, конечно, не удивляет компромисность и непоследовательность политики буржуазных государств. Буржуазные правительства последовательны лишь в своей борьбе против своего классового врага - пролетариата. Зато, последовательную борьбу против религии и церкви может вести лишь правительство пролетариата - единственный класс, который все свои завоевания во всех областях, всю свою победу может строить и строит исключительно на знании, исключительно на науке. Пролетариат - единственный класс, для которого вредны, смерти подобны всякие предрассудки, всякие суеверия, и в первую очередь религиозные. Свою тяжелую, порою изнурительную, жертвами богатую борьбу за коммунизм он строит не на вере, а - на знании. Поэтому, в таких случаях - мы никогда не говорим: "мы верим", а - "мы убеждены". Вера там, где нет знания и понимания, а пролетариат может победить, только зная и понимая. Свое воодушевление же, готовность на подвиг, на жертву, готовность на величайшие страдания - этот энтузиазм, равного которому история не знает, пролетариат черпает не из страшного яда невежества, лжи и обмана отравленного болота религии и веры, а из единственного светлого, чистого, всеочищающего, единственного победу дарующего источника - знания, понимания, науки. Поэтому пролетариат не может быть другом никакой религии и церкви, как бы они ни назывались. Поэтому пролетариат не может допустить религиозного отношения и к социализму и коммунизму. Мы восторгаемся, мы горим, мы всегда будем способны на это. Горел и, увы, сгорел самый гениальный мозг всего человечества, но не на почве веры и фанатизма, как утверждали многие, а на почве точного знания, на почве - науки, дававшей ему ясное понимание исторических законов и уверенность в их непреклонности.

Конечно, из сказанного не вытекает необходимость глумиться, издеваться над темными верующими массами. Вытекает другая необходимость - это, упорно и планомерно распространяя знания среди темных, несознательных, и потому еще до сих пор верующих масс, пользуясь для разоблачения церкви и религии ясными и точными, исключаящими какую бы то ни было веру и заменяющими ее (веру) неопровержимыми доказательствами, научными законами, - постепенно уничтожить самую возможность веры и религиозного дурмана.

Р. Пельше

Харьков, август 1924 г.

Подборка ссылок на материалы об Оларе и на его работы: <http://vive-liberta.narod.r/ref/ref1.htm#aulard>.

Ранее в нашей библиотеке размещены: [А.Олар. Христианство и Великая французская революция 1789-1802](#), [А.Олар. Культ Разума и культ Верховного существа во время Великой французской революции](#).

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Настоящая книга составилась из четырех статей Олара, напечатанных им в журнале "La Revolution Francaise" за 1905 г. (fasc. 2, 3, 4, 5) под общим названием "Les origines de la separation des Eglises et de l'Etat". Их появление совпадает и, по всей вероятности, связано с последовавшим в 1905 г. законом III Республики об окончательном отделении церкви от государства. Отдельной книгой эти статьи до настоящего времени изданы не были. Между тем, имя автора, с одной стороны, актуальность темы, с другой, делают такое издание вполне своевременным.

Указанные статьи охватывают первое пятилетие Революции (1789-1794 гг.). Начиная с зарождения революционных идей в области религиозных отношений и религиозной политики накануне Революции, автор прослеживает их постепенное развитие до момента их полного оформления накануне термидора, когда отделение церкви от государства оставалось еще только санкционировать и закрепить декретом. Статьи эти являются одним из разветвлений общих исследований Олара по "политической истории Революции", чем определяется их характер и содержание.

Малая разработанность вопроса до настоящего времени и обильная документация работы Олара сообщают ей специальный научный интерес. Свежесть, большая конкретность и сравнительная популярность мастерского изложения делают ее доступной для широкого круга читателей. На него рассчитана и значительная часть примечаний, излишняя для лиц с исторической подготовкой.

Н. Рубинштейн

Одесса, сентябрь 1924 г.

Дополнительные материалы к теме книги:

М.Домнич. К истории секуляризации церковных имуществ во Франции

С.Блуменау. Церковные реформы начала революции и французское общество

ЦЕРКОВЬ и ГОСУДАРСТВО (подборка документов)

Декрет о присяге духовенства
Из декрета 29 ноября 1791 г. против неприсяжных священников
Из декрета Законодательного Собрания от 27 мая 1792 г. против неприсяжных священников

Декрет 16 фримера (6 декабря 1793 г.) о свободе культов

Ж.-М.Ролан. О контрреволюционной роли духовенства: речь в Законодательном собрании 16 апреля 1792 г.

ДЕХРИСТИАНИЗАЦИЯ в ПРОВИНЦИИ (ПО ПРОТОКОЛАМ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ)

ЯКОБИНСКИЕ КЛУБЫ в БОРЬБЕ с РЕЛИГИЕЙ (Париж, Тюлле, Лимож)

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА в БОРЬБЕ с РЕЛИГИЕЙ и ЦЕРКОВЬЮ (из АРХИВА ШОМЕТТА)

ДУХОВЕНСТВО и КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ (подборка документов)

Доклад комиссаров в Вандее Законодательному собранию 9 октября 1791 г.
Речь председателя Чрезвычайной депутации департамента Буш-дю-Рон в Законодательном собрании 17 марта 1792 г.
Письмо директории департамента Жиронды министру внутренних дел 19 мая 1792 г.

Сложение сана священниками в Конвенте

Адрес Нэжона Национальному собранию

Прокламация Фуше в Невере и Мулене 19 брюмера II года

Ж.-П.Бриссо. Авторитет отцов церкви

Анахарсис Клоотс. Речь в Конвенте 27 брюмера II года

Анахарсис Клоотс. Конституционные основы республики человеческого рода

Великая радость отца Дюшена по поводу декрета, предписывающего парижскому архиепископу вернуться в свою епархию, а всем попам - принести гражданскую присягу

Сильвен Марешаль. Страшный суд над королями (пьеса-памфлет)

Сильвен Марешаль. Антиклерикальные статьи в «Парижских революциях»

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (речи и доклады Талейрана, Мирабо, Кондорсе, Арбогаста, Ромма, Ле Пеллетье, Лаканалья, Сийеса, Ассенфраца, Лавуазье)

Дополнение: Л.-А.Сен-Жюст, фрагмент Республиканских установлений - об образовании

Я.Захер. Дехристианизаторская деятельность Фуше

АЛЬФОНС ОЛАР ГЛАВА I. УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ⁷ (4 мая 1789 г. - 30 сент 1791 г.) ЦЕРКОВЬ и ГОСУДАРСТВО В ЭПОХУ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Франция - светское государство, и нигде идея светского государства не применяется так полно и не пользуется такой популярностью.

Но так было не всегда.

Самое слово laïcité, обозначающее светский порядок - неологизм. Его не найти в последнем издании французского Академического Словаря, вышедшем в 1878 году. Литтрэ не поместил его в соответствующем томе своего словаря (напечатанном в 1869 г.), а, помещая его в приложении (1879 г.), снабдил его звездочкой, обозначающей неологизм:

⁷ Учредительное Собрание в тексте встречается еще под наименованием Национального Собрания (обозначающим все вообще революционные собрания) и Конституанты (Учредительное Собрание, это - перевод слова la Constituante). - Прим.пер. НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ: ИЮНЬ 1789 г. (подборка документов)

Laïcité - существ., ж.р. Светский порядок. "Относительно лаицизации народного образования... Генеральный совет департамента Сены голосовал предложение о лаицизации; предложение было отвергнуто (La Patrie, 11 ноября 1871 г.).

Таким образом, слово laïcité становится общеупотребительным лишь в начале Третьей Республики. Это значит, что идея светского государства стала популярной во Франции всего лет сорок-сорок пять тому назад.

Накануне Революции она существовала лишь в умах нескольких философов, нескольких памфлетистов. Иногда ее встретишь у Вольтера, - в его переписке чаще, чем в его сочинениях: например, он восхваляет перед друзьями те идеальные времена, когда государство будет заниматься тем, как люди молятся Богу, не больше, чем тем, что делается у них на кухне.

Но в общем и целом, даже самые смелые публицисты признают, что государство не может не вмешиваться в религиозные вопросы, что существует государственная религия, именно - католическая.

Чего же требуют философы? - Говорят, что они требуют свободы совести. Да, но лишь в принципе. И хотя соседняя страна, Голландия, давала наглядный пример ее применения, - они, на практике, требуют для Франции только веротерпимости, и достаточно известно, в какой форме требуют ее Монтескье и Вольтер, Энциклопедия и Тюрго.

Что такое веротерпимость? Это - отношение истинной веры к заблуждению. Католическая религия истинна; остальные религии - заблуждение. Итак, нужно быть добрым и снисходительным к людям заблуждающимся; нужно быть милосердным к их заблуждениям; не следует преследовать их и насилловать. - Вот чего требует веротерпимость.

Свобода совести - совсем иное. Ее истинное и полное осуществление предполагает равное право каждого индивидуума следовать своим убеждениям, исповедывать свою религию или не исповедывать никакой; государство остается нейтральным, чуждым вероисповедных различий, одним словом, светским. И эта свобода совести являлась непосредственным выводом из всей философии XVIII в.; однако, как это было уже сказано, они - эти философы - ее не требовали или, по крайней мере, требовали ее без достаточной определенности.

Христианство создало французскую государственность. Лишь медленно и постепенно мирское отделяется от церковного, королевская власть обособляется от церкви, органы, отправляющие главные государственные функции - армия, магистратура, администрация, финансы, - получают светскую организацию. Однако в 1789 году церковь и государство еще неразрывно связаны. Так, например, народное образование было в такой же мере и даже больше делом церкви, чем делом общества и государства.

Народу представлялось, что католическая религия - истинная основа общественного строя, что вне ее невозможен социальный правопорядок. Народ был невежествен, и философы были твердо убеждены, что религия необходима невежественному народу. И те и другие единогласно провозглашали социальную необходимость католической религии. Мысль о создании светского государства показалась бы в то время анархизмом, опасной химерой; всего скорее, ее бы вовсе не поняли.

Что же рекомендуют философы? - Добрых священников. Перечитайте "катехизис священника" в "философском словаре"; Вольтер изображает доброго священника в диалоге Аристона с Феотимом.

"Аристон. Вы учены и обладаете редким даром красноречия; как полагаете вы проповедывать перед сельским населением?

Феотим. Так же, как перед королями. Я буду постоянно говорить о вопросах нравственности и никогда о богословских спорах. Боже сохрани, чтобы я стал углубляться в вопросы о сопутствующей благодати, благодати действенной, которой сопротивляются (resistibilis), благодати достаточной, которой все же недостаточно⁸, или выяснять, имели ли плоть ангелы, которые ели с Авраамом и Лотом, или они только делали вид, что едят. Есть много вещей, которых не поймут мои слушатели, не понимаю и я. Я постараюсь и сам быть и их

⁸ Это место заключает в себе указание на богословские споры, которые не прекращаются в Западной церкви с первых веков христианства: споры августиновской школы (благодать действенная) с полу-пелагианством (благодать достаточная), смягчавшим крайности учения Пелагия, фактически совершенно устранявшего значение благодати для спасения души. - *Прим.пер.*

сделать хорошими людьми; я не стану разыгрывать роль богослова и буду им возможно меньше.

Аристон. О, хороший священник! Я куплю себе дом в твоём приходе".

Далекий от мысли отделить государство от церкви, Вольтер пишет: "Хотите ли, чтобы ваш народ был спокоен и могуч - пусть религия подчиняется закону государства".⁹ Религию нужно очистить и упростить, но только государство может и должно это сделать.

Светское государство! Напротив, скорее нужно еще теснее связать церковь с государством с тем, чтобы государство управляло церковью. Религия - дело государства.

Возьмем еще самого яркого антиклерикала того времени - аббата Рейналя (к слову сказать, вот яркий показатель той путаницы понятий, о которой идет здесь речь: антиклерикал, который носит рясу, при чем никого это не удивляет). Как Вольтер и многие другие, он сторонник упрощения христианства и сведения его к деизму, сторонник единой интернациональной религии, которая должна быть религией государственной: "Достоинство и мудрость государства требуют единого религиозно-нравственного кодекса, обязательного для всех, оставляя свободу споров лишь в вопросах, безразличных для спокойствия мира. Это было бы наиболее, верным способом незаметно погасить фанатизм священников и энтузиазм народов".¹⁰

Он развивает свою религиозную политику в следующих выражениях:

"Мне кажется, что не государство должно служить религии, а религия государству. Таков первый принцип.

Второй принцип: Всеобщая польза - общий закон всего существующего в государстве.

Третий принцип: Только народ или уполномоченная им суверенная власть имеет право судить о соответствии отдельных институтов общему интересу.

Эти три принципа кажутся мне очевидными и бесспорными, и дальнейшие положения непосредственно из них вытекают.

Итак, эта власть, и лишь она одна, должна судить о религиозных догматах и учении. Она судит о догматах, чтобы убедиться, что они не противоречат здравому смыслу и не угрожают народными волнениями, тем более опасными, что мысль о грядущем благе осложняется ревностью к славе божьей и покорностью истине, данной, как они думают, откровением. Она следит, не задевает ли религиозное учение господствующие нравы, не гасит ли оно патриотический дух, не убивает ли храбрости, не отвращает ли от труда, от брака, от общественной работы, не вредит ли росту населения, общественных отношений; - следит, не возбуждает ли оно фанатизма и нетерпимости, не сеет ли розни между членами одной семьи, между семьями одного города между городами одного королевства, между отдельными королевствами земного шара; не подрывает ли оно уважения, которым обязаны подданные своим государям и должностным лицам; не проповедует ли оно слова скорби или советы безумия.

Эта власть, и лишь она одна, может отменять существующий культ, устанавливать новый или, при желании, обойтись даже без всякого культа.

Государству принадлежит верховная власть во всех вопросах. Различие мирской и духовной власти - ясно осязаемая бессмыслица; одно единое судилище должно быть везде, где предписание или запрещение определяется общественной пользой".

Из всех мыслителей того времени Кондорсэ всех ближе подошел к нашей современной идее светского государства. В 1786 г. он писал в "Жизни Тюрго": "Если культ- необходимое выражение религиозных взглядов, и каждый человек признает лишь

⁹ Oeuvres, ed. Moland. T.XXXVIII, p.244.

¹⁰ Raynal. Histoire philosophique... Ed. 1780, t.IV, p.467.

собственную совесть законным судьей в этих вопросах, то казалось бы, что и расходы культа должны покрываться добровольными взносами верующих". Но тут же он прибавлял: "Если народ привык покрывать расходы культа из общественных средств и получать наставления из уст священника, то, конечно, опасно и до некоторой степени даже несправедливо оскорбить его обычаи слишком поспешной реформой, и в данном случае правда и справедливость требуют, чтобы сперва ее усвоило общественное мнение".¹¹

Как видите, сам Кондорсэ, смелый предшественник нашего времени, лишь в теории является сторонником отделения церкви от государства; на практике он отсрочивает его осуществление на неопределенное время, а пока примиряется с существованием государственной религии.

II

Понятно, если философы не требовали отделения церкви от государства, то и редакторы наказов 1789 г. о нем не говорили. Прекрасный знаток наказов, Шампион, не нашел в них ни этого требования, ни идеи светского государства. Местами упоминается свобода совести, но с какими оговорками! Третье сословье Парижа пишет: "Каждый гражданин должен пользоваться свободой совести в частной жизни, но общественный правопорядок требует существования единой господствующей религии". И дальше требует мер строгости в отношении тех, кто работает в воскресные дни. Третье сословие Оксера просит короля защитить религию от ударов новой философии. Даже те указы третьего сословия, которые одобряют благоприятный для протестантов Эдикт 1787 г., обычно вносят оговорки и просят закрыть им доступ к общественным должностям, воспретить им устройство храмов, публичное богослужение.

Словом, третье сословие желает веротерпимости. И Декларация Прав 1789 г. тоже провозглашает веротерпимость, а не истинную свободу совести: "Никто не должен быть преследуем за свои убеждения, даже религиозные, если только их выражение не нарушает общественного порядка, установленного законом."

Когда 12 апреля 1790 года дом-Жерль¹² предложил Учредительному Собранию декретировать, "что римская апостольская, католическая религия всегда будет национальной религией, единственным дозволенным публичным культом", то этот декрет настолько соответствовал наказам и всему духу времени, что собрание готово было вотировать его в едином порыве энтузиазма. Поступило, однако, предложение отсрочить обсуждение, и успех этого предложения свидетельствует уже об известном прогрессе общественного мнения. Можно считать, что "философия" одержала частичную победу, когда Собрание (13 апреля 1790 г.) заменило декрет, предложенный дом-Жерлем, своего рода исповеданием общих принципов католицизма, изложенным в следующих памятных выражениях:

"Национальное Собрание, считая, что оно не имеет права власти над совестью и религиозными убеждениями, что величие религии и естественное чувство благоговения не позволяют сделать ее предметом обсуждения; считая далее, что преданность Национального Собрания римской апостольской, католической вере не может быть подвергнуто сомнению, ибо этот культ один и в первую очередь принят на государственные средства, при чем Собрание в единодушном порыве благоговения выразило свои чувства в той единственной форме, которая подобает величию религии и природе самого Собрания, - постановляет: что оно не может и не должно обсуждать настоящее предложение и переходит в порядке дня к вопросу о церковных имуществах".

Надо сказать, что участие духовенства, особенно низшего, в Революции оправдывало убеждение, что государство должно опираться на церковь, что церковь и государство едины. Присоединение большинства духовенства к третьему сословию

¹¹ Vie de M.Turgot. Londres, 1786, pp.180, 181. Мари Жан Антуан Никола КОНДОРСЭ: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#cnd>.

¹² Дом, dom - сокращенное dominus, выражение, аналогичное русскому "отец" в его применении к священнику. — Прим.ред.

оказалось решающим для хода Революции. Добрый священник, о котором мечтал Вольтер, явился в плоти и крови в тот день, когда три священника из Пуату - Лёсэв, Жаллэ и Баллар (Lecesve, Jallet, Ballard) - приняли участие в заседаниях третьего сословия и подали пример остальным. Священники-патриоты шли плечо к плечу с третьим сословием; в католических церквях, пред алтарями, где произносилась католическая месса, происходили политические манифестации.¹³

Словом, между духовенством и революционерами установилось искреннее единение, и в благодарном сознании, что духовенство спасло государство, современники еще теснее связывали государство с церковью.

С трибуны Учредительного Собрания высказывалось положение, что религия дело государства. Так заявлял Камюс 1 июня 1790 г.: "Мы, конечно, имеем право изменить религию". Изменили не религию, а церковный строй, введя гражданское положение о духовенстве, которое осуществило давнишние галликанские¹⁴ стремления и, если можно так выразиться, национализировало католицизм. Избираемые народом, епископы отныне поставляются не папой, а другими священниками. Я не стану анализировать этот известный закон и только отмечу, что он прибавил лишнее звено к той цепи, которая и при старом порядке связывала церковь с государством, в виде бюджета культов, явившегося следствием конфискации церковных имуществ и упразднения десятины. Отныне государство оплачивает церковь.

В своем докладе об упразднении десятины 9 апреля 1790 г. член Учредительного Собрания Шассэ (Chasset) сказал, что "и по духу конституции и по справедливости" все граждане должны участвовать в расходах культа, и в следующих словах выразил мысль о связи государства с религией: "Культе - общественная служба, обязанность всех граждан; он дает назидание и утешение всем. Церкви открыты для всех, возносящих молитвы Верховному Существо; священнослужители это - духовная гвардия, подобно армии несущая свою помощь всем. Разве обратили бы внимание на чье-либо заявление, что он не желает участвовать в военных расходах? То же имеет место и здесь"...

Бюджет вознаграждает низшее духовенство за его гражданскую доблесть; вместо прежнего нищенского оклада, любому сельскому священнику было обеспечено минимальное жалование в 1200 ливров. Весь бюджет достигает 100 миллионов. Само собой разумеется, что только католическое духовенство получало жалование, и "Гражданское положение" ничего не говорило о прочих религиях. Инструкция по введению Гражданского положения (декретированная 21 января 1791 г.) свидетельствует, что Конституанта отнюдь не думала ослаблять господствующее значение государственной религии. Там говорится следующее:

"Представители французов, преданные религии предков и католической церкви, видимым главой которой на земле является папа, среди государственных расходов поставили на первом месте расходы по содержанию католического духовенства и культа; они проявили уважение к ее догматам и обеспечили ее преподавание на вечные времена. Убежденные, что католическая доктрина и католическая вера основаны на власти, которая выше человеческой, они знали, что не в их власти было поднять на нее руку и посягнуть на ее духовный авторитет; они знали, что она установлена Богом и что он поручил своим пастырям направлять души верующих, нести им помощь, которую религия дает людям, сохранять непрерывную преемственность церковнослужителей, просвещать и направлять свою паству.

Но в то же время, как Учредительное Собрание, торжественно заявляло о своем уважении к этим великим истинам всякий раз, как они произносились в его среде, - конституция, установленная волею

¹³ Католические церкви были местом патриотических манифестаций; алтари, пред которыми служили католическую мессу, были первыми "алтарями отечества".

¹⁴ Галлия - древнее название Франции. Галликанской называлась национальная французская церковь, отвергающая главенство папы. Так и независимая английская церковь называется англиканской. — Прим.пер.

народа, требовала издания новых законов, вводящих Гражданское положение о духовенстве; требовалось установить его внешние отношения к государственному строю.

Конституция основана на принципах равенства, справедливости, общего блага. Равенство требует, чтобы общественные должности были доступны каждому, кого личные заслуги сделали достойным свободного выбора его сограждан; справедливость, чтобы устранить произвол, не допускает единоличных решений; общее благо отвергает всякий бесполезный институт. Эта конституция требовала упразднения множества учреждений, ставших ненужными, восстановления свободного выбора пастырей, наконец, общего гласного обсуждения всех церковно-административных постановлений, - единственная гарантия, по мнению народа, разумности тех постановлений, которым сам он будет подчиняться"...

После того как были проведены эти изменения, Комитет по церковным делам намерен был наблюдать за сохранением прочих не тронутых Конституантой частей прежнего церковного устройства. Он намеревался непосредственно разрешать все щекотливые вопросы. Так, когда 10 августа 1791 г. аббат Брюжьер, священник прихода Сен-Пол (Saint Paul) в Париже, запросил Комитет, исполнить ли ходатайство одного священника, просившего обвенчать его, - Ланжюинэ в письме от имени Комитета запретил аббату Брюжьеру венчать священника.

III

Отсюда видно, насколько далека была Конституанта в 1790 г. от идеи светского государства и отделения его от церкви.

Но случилось иное: новый порядок, тесно связывавший Церковь с государством, на деле привел к разрыву этой связи как в силу особых условий его применения, так и в результате его конечной неудачи, подготовившей умы к осуществлению отделения церкви.

Здесь надо прежде всего остановиться на разрыве Франции с папой.

Конечно, не самый этот разрыв положил начало отделению церкви от государства, будучи вызван законом, который к прежним связям церкви с государством еще прибавил государственное содержание духовенства. Но самый факт разрыва, особенно после того, как оказалось, что французский народ легко обходится без папы, того папы, который является истинным главой католической церкви, уже служил наглядным примером и способствовал успеху светских идей.

С другой стороны, беспорядки, которыми отмечено введение Гражданского положения, также послужили уяснению еще туманной идеи свободы совести. Их породило разделение католического духовенства на священников, принявших и не принявших Гражданское положение.

Не принешие присяги, установленной конституцией, считались отказавшимися от должности, и им были выбраны заместители. Они, однако, не перестали исполнять свои священнические обязанности; оспаривая верующих у своих выборных - самозванных, как они считали - заместителей, некоторые из "непокорных" (*refractaire*) продолжали отправлять службу в приходских церквях, что законом не воспрещалось; большая часть отправляла службу в разных молельнях и часовнях.

Народ не желал терпеть это раздвоение и эту свободу культов. Оно послужило поводом для спора и столкновений, Священники-паписты и их паства считались контр-революционерами. Они же, с своей стороны, считали конституционных священников и их прихожан нечестивыми еретиками.

Правления¹⁴ некоторых департаментов встревожились и предприняли шаги, выходившие за пределы их компетенции. Так, правление департ. Финистере (Бретань), в

¹⁴ Словом Правление мы передаем французский термин *directoire* с которым у русского читателя ассоциируется мысль об определенном государственном строе во время Французской Революции. *Directoire* - выборное, коллегиальное правление, проведенное по всем ступеням административного деления Франции. - *Прим.пер.*

согласии с присягнувшим¹⁵ епископом Экспильи, предписало (22-го апреля 1791 г.) непокорным священникам выселиться в восьмидневный срок из прежнего прихода на 4 лье. Правления департаментов Иль-э-Вилэн, Эн и других последовали примеру Финистере.

Очень бурные инциденты произошли в Париже в апреле 1791 года. Священники, не принесшие присяги, отправляли службу преимущественно в молельнях женских монастырей. Народ обвинил их в том, что они поносят Революцию. Были случаи грубой нетерпимости; патриоты высекли несколько монашенок. Газета *Chronique de Paris* писала по этому поводу 9 апреля 1791 года:

"Ярость некоторых священников все растет. Лишенные должности в своих прежних приходах, они собирают в монастырях безумное стадо святош, соблазненных, увлеченных ими на свою сторону. Среди безумия, ярости и фанатизма, они призывают громы небесные на Национальное Собрание; они дерзко возбуждают слушателей к ненависти и преследованию священников, принесших присягу, запрещают присутствовать на их мессе, ибо та месса - святотатство, и исповедываться у них, ибо такое отпущение грехов ничтожно; главное, "непокорные" призывают широко распространять свои взгляды. К счастью, пока не заметно, чтобы их проповедь имела успех. Их старания увеличить свою партию всегда заканчиваются печальными для них сценами. Пример двух сестер из монастыря Сен-Рок (Saint-Roch), публично высеченных в прошлое воскресенье, возымел большое влияние. Народ нигде не дает себя одурачить и не верит их ханжеству. Из монастыря Феллянов (feuillants) по улице Сент-Онорэ (Saint-Honore) он выгнал кучу старых высокопоставленных святош, слушавших проповедь неконституционного священника Сен-Рок, дезертировавшего, как и они, из своего прихода. Народ по-отечески наказал монахов и монашек монастыря Св.Мадлэны, которые под предлогом, что церковь осквернена присутствием конституционного священника, хотели повести своих учеников слушать мессу в другую церковь. В Сент-Андрэ-дез-Арк священник осмелился бранить Гражданское положение о духовенстве; на него донес солдат национальной гвардии, и он должен был скрывать свой позор. Несколько сестер Мирамиониток из монастыря Св.Марии в Сент-антуанском предместьи были высечены за то, что они секли девочек, которых родители послали исповедываться к священнику, сочувствующему новым церковным законам. Эти сцены повторяются каждый день; они смешат молодежь, развлекают празднующихся, но печалат человека чуткого, честного гражданина, которому тяжело видеть, что народ в вечном брожении, что едва наступивший мир нарушается сектой, враждебной Богу и людям. Чтобы, хотя отчасти, избежать этих беспорядков, было бы благоразумно разрешить произнесение проповедей только в приходских церквях".

Общинная администрация¹⁶ обратилась к населению с воззванием, воспреещающим сборища перед церквями, а министр внутренних дел Делессар предписал правлению департамента Парижа возбудить преследование против виновников насилий. Министр писал: "Его Величество предлагает вам пресекать такого рода эксцессы по всей строгости законов, но вместе с тем желает, чтобы вы авторитетом разума старались водворить дух умеренности и терпимости, который подобает людям свободным и просвещенным и должен явиться прекраснейшим плодом нашей Конституции".

¹⁵ Я избегаю в русском переводе слово *constitutionnel* - конституционный, признавший "Гражданское положение" - *la constitution civile du clerge*, как несколько двусмысленное и допускающее превратное толкование в связи с основным значением этого слова Я заменяю его словом, точно передающим его смысл - "присягнувший" (*assermente*). - *Прим.пер.*

¹⁶ Слово *municipalite* обозначает по-французски как городскую, так и сельскую общину. - *Прим.пер.*

Правление департамента, состоявшее из элементов умеренных, но представителей философской мысли, приняло немедленно (11 апреля 1791 г.) постановление, вызвавшее много толков.

Отправление церковной службы в приходской церкви разрешалось отныне лишь священникам, получавшим жалование от государства, и тем, кто имел от епископа и приходского священника специальное разрешение, возобновляемое каждые три месяца.

За всем этим должен был наблюдать гражданский чиновник.

Прочие, не-приходские, церкви, составлявшие государственную собственность, закрывались, за исключением часовен при монастырях, госпиталях, тюрьмах, училищах, семинариях, часовен, которые были закрыты для посторонней публики, но где отправляли службу также священники, имеющие на то разрешение от епископа и приходского священника, то-есть принесшие присягу.

Но особенно интересно для нас и особенно удивило и смутило общественное мнение то, что правление департамента своею властью косвенно устанавливало свободу вероисповедания, разрешая последователям любого культа иметь свои храмы. Это устанавливается статьями 11-ой и 12-ой означенного постановления:

"Всякое здание, или часть здания, предназначенное частными лицами для отправления любого религиозного культа, должно иметь снаружи, над главной дверью, надпись, указывающую его назначение и отличающую его от церквей общественных, национальных, содержащихся на государственные средства.

В течение 1791 года эти надписи должны предварительно быть рассмотрены и дозволены правлением департамента".

Запрещалось отправление богослужения соединять "с выступлениями против Конституции, законов и установленных властей". Правление департамента заявляло, что оно испросит у Конституанты специальный закон против такого рода выступлений.

Постановление не отвечало господствовавшим страстям. Несколько благоразумных людей его одобрили; Андрэ Шенье написал, но не напечатал хвалебную статью. Левые издания выразили единодушное порицание этой попытке установить свободу культа. Так, № 93 *Revolutions de Paris* пишет:

"Обратите внимание на то, что правление департамента дало увлечь себя столь ложным учением о свободе культов как раз накануне святой недели, во время Пасхи, когда самая трогательная религиозная мистерия возбуждает в душах суеверное чувство. В это самое время оно позволяет ханжеству возобновить свои интриги; оно дает право собрания самым горячим сторонникам деспотического, аристократического строя, старому священнику приходской церкви св. Сульпиция, всей вчерашней знати сен-жерменского предместья, непокорным священникам, всей этой секте нечестивых иерофантов, для которых религиозные предрассудки составляют все, а родина - ничего, которая смеет утверждать, что ей свыше дано право власти над людьми, чья грубая мораль лишь освящает полезные им преступления, чья возмутительная политика всегда благоприятствовала господству деспотизма и уничтожению свободы. Зачем вдруг дано это право найма помещений, противоречащее установленным законом формам? И почему эти наниматели берут помещение лишь на шесть недель? Видно, отдельные церкви нужны им лишь на этот короткий срок; видно, их религиозный пыл должен остыть после пасхальных празднеств!"

В заключение газета приветствовала народ, сумевший понять, что "нет места двум культам в одной религии", и воспротивившийся введению той свободы, которая была предложена правлением департамента.

Католики - паписты с бывшим приходским священником церкви св. Сульпиция г. Пансемон (Rancemont) во главе наняли прежнюю церковь театинцев (она помещалась на набережной имени Вольтера и теперь исчезла). Постановлением от 16 апреля 1791 г. правление департамента утвердило предложенную надпись: "Церковь, посвященная

религиозному культу частным обществом. - Мир и свобода". Открытие должно было состояться в воскресенье 17 апреля. Оно вызвало враждебную манифестацию, которой руководил аббат Латиль (Latile), член Учредительного Собрания, конституционный священник, приходской церкви св. Фомы Аквинского (Saint Thomas d'Aquin).

Тот-же № 93 *Revolutions de Paris* излагает события следующим образом:

"У народа более правильный взгляд на вещи, чем у его правителей; он понял, что не может быть двух культов в одной религии, и счел нужным воспрепятствовать махинациям непокорных священников, собиравшихся огласить в церкви театинцев папское бреве (папскую грамоту), которым они давно нам угрожают. В воскресенье 17-го апреля патриоты собрались с раннего утра перед этим аристократическим Синедрионом, а в качестве благого предостережения для неблагонамеренных прикрепили над главной дверью пучок розог с надписью на плакате: "Совет ханжам-аристократам: целебное средство, отпуск даром".¹⁷ Некто господин Дофин вздумал сорвать плакат и розги; его заставили прикрепить их на место, сделав ему внушение за такую дерзость. "Наступило время смены королевской стражи. Господин Байльи остановил отряд, проходивший по набережной, и приказал солдатам убрать плакат и розги; один из музыкантов военного оркестра выполнил приказ. Но лишь только удалился господин Байльи, все приняло прежний вид, а к плакату были прибавлены слова: "Снято по распоряжению господина Байльи, водворено обратно распоряжением граждан". Защитники свободы восторжествовали над муниципальными властями. Господин Байльи [<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#bailly>] и правление департамента защищали аристократов, полагая, что защищают свободу культов; народ напомнил им, что отправление культа должно быть воспрещено, если оно нарушает общественный порядок, установленный законом".

Правление департамента обратилось к гражданам с новым воззванием, напоминая, что свобода религиозных мнений освящена Декларацией прав и что никто не имеет права мешать и препятствовать собраниям, имеющим целью отправление какого-либо культа.

Газета "Moniteur", сообщая содержание этого воззвания, добавляет: "Толпа рассеялась, и спокойствие восстановлено". Однако сотрудник "Mercure de France" пишет: "Объявление было в моем присутствии уничтожено, изодрано в клочья с оскорблениями, с проклятиями по адресу власти, священников, святош. Какой-то оратор, взобравшись на ступени церкви, важно рассуждал и доказывал, что ни за что не надо допускать раскола, что нельзя терпеть иного культа, кроме его культа, что надо сечь женщин и убивать священников".

18 апреля 1791 г. правление департамента уведомило Национальное Собрание о своем постановлении, ходатайствуя об издании соответствующего уголовного закона.

В Национальном Собрании начались бурные прения, Несколько ораторов заявило, что, издавая настоящее постановление, правление департамента присвоило себе права законодательной власти. Депутат Трейляр объявил, что он сторонник свободы, но не желает существования двух католических культов. Его речь прекрасно характеризует далеко не мирской образ мыслей большинства патриотов 1791 г.

"Я начну с определенного заявления, что считаю свободу культа необходимой, что она является прямым выводом из ваших декретов (долгие аплодисменты). Я признаю лишь один культ в римской апостольской католической церкви, и другого не существует. Я не могу расчленять нерасчленимое (аплодисменты усиливаются). Единственное различие между принесшим и не принесшим присягу священником состоит в том, что первый является общественным должностным лицом и что второй им не является

¹⁷ Согласно сообщению официальной газеты Moniteur, "Католическое общество", нанявшее церковь, не вывесило надписи, нарушив этим постановление департамента; эта небрежность и послужила причиной или поводом народного недовольства.

(аплодисменты). Это постановление, несогласное с волей народа, неминуемо приведет к религиозному расколу, которого народ не желал и не желает... Предположим, что бывший архиепископ парижский явится в церковь театинцев и станет отправлять общественные функции и поставлять священников; вы тем самым утвердите раскол на вечные времена. Эти священники будут жить приношениями. И у вас, правда будет один только культ, оплачиваемый государством, но будет и другой культ, установив который, вы введете нищенство. И я снова заявляю, что считаю свободу культа обязательной и установленной законом, - но я не могу признать двух культов там, где существует только один".

Сийес (Sieyes) [<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#si>], будучи одновременно депутатом Конституанты и членом правления департамента Парижа, в длинной речи защищал постановление и доказывал по поводу статей 11-й и 12-й, особенно взволновавших общественное мнение, что они не вводили какой-то новой свободы, раз свобода мнений установлена законом.

Аббат Мори (Maury) протестовал против удаления римско-католического духовенства из приходских церквей, умалчивая о данном им праве получить другие церкви. "Почему" - спрашивал он, - "католики-паписты лишены прав открыто отправлять свое богослужение?" Левая часть собрания потребовала призвать Мори к порядку. Депутат Дандрэ (D'Andre) заявил, что этого мало, что Мори оклеветал народ и заслуживает осуждения. Мори был объявлен выговор.

В конце концов Собрание постановило передать вопрос в комитет культов¹⁸. На основании отчета Moniteur'a, которым мы пользовались, как наиболее ясным, отчетливым и подробным, можно заключить, что в этих дебатах большинство было согласно с Трейляром, поскольку он не желал существования двух культов, и с правлением департамента, поскольку оно принимало меры против отправления богослужения папистами. Приветствуя провозглашение принципов свободы культа с народной трибуны, Собрание решительно отвергло его практическое применение.

Доклад Комитета Конституции был прочитан 7 мая 1791 года Талейраном, который считался вместе с Сийесом автором постановления правления департамента. В докладе сказывается известный успех идеи свободы совести: "Надо, чтобы все знали" - заявил Талейран, - "что свобода мнений не всюду вписана в Декларацию прав и что полная абсолютная свобода - реальное достояние каждого, столь же священное и неприкосновенное, как и всякое пользуется безусловной защитой. Пусть не говорят о веротерпимости - это господствующее выражение звучит оскорблением; ему нет места в языке свободного и просвещенного народа. Если народ пожелал оплачивать один культ, придерживаясь господствующей веры, то он не лишил в силу этого прав гражданства, прав общественной службы тех, кто не придерживается этого культа".

Докладчик заявил, что и король мог бы при желании исповедывать иную религию, чем народ. Должна существовать также свобода внешнего отправления культа: свобода не только мыслить, но и выражать свою мысль. "Мы хотим утвердить свободу совести, оградить права всех граждан. Мы хотим обеспечить торжество истинной религии одними средствами убеждения и показать, что она не боится соперников (аплодисменты). Устанавливая религиозную свободу в полном объеме, мы ни для чьей веры не делаем исключения".

Талейран [<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#Tlr>] отвергал возражения, основанные на мнимой необходимости единства культа; он заявлял, что во имя этого "ложного принципа" Людовик XIV преследовал протестантов. Надо предоставить свободу культа католикам нон-конформистам¹⁹, священникам, не принесшим присяги.

¹⁸ Упоминавшаяся выше комиссия по церковным делам. — Прим.пер.

¹⁹ Термин non-conformistes заимствован из Англии, где во времена Елизаветы он применялся к ортодоксальным римским католикам, противникам установления независимой англиканской церкви, также подвергшимся - как впоследствии во Франции - устранению от общественных должностей. Conformity - сообразность. Нон-конформисты - не сообразующиеся, не придерживающиеся утвержденного культа. Эта группа духовенства обозначается еще следующими терминами: паписты - признающие власть папы; диссиденты - отколовшиеся от господствующей, в данном случае, от государственной церкви, не присягнувшие (insermentes) - не принесшие присяги в соблюдении Гражданского положения о духовенстве. - Прим.пер.

"Если воспретить им публичные собрания, то неизбежны тайные собрания, еще более опасные"...

"Я искренно убежден, что религия, обряды которой исполняются в наших церквах, есть католическая религия во всей ее чистоте и неприкосновенности; что неправы те, кто обвиняет нас в расколе: нет раскола там, где народ его не желает (аплодисменты слева и в публике); что папа не имеет ни силы ни права произвести разделение церквей (аплодисменты возобновляются); напрасно пытался бы он порвать с конституционной церковью, - она отклонит все угрозы и анафемы и спокойно заявит, что она не желает с ним порвать; она устранил самую видимость разрыва и определенно покажет, что она не намерена избрать себе своего патриарха".

Даже в том случае, если бы папа поразил анафемой французский народ (намек на папское бреве от 10 марта 1791 года), мы сохранили бы - так заявил Талейран - свою преданность Римскому престолу и "с уверенностью стали бы ждать, что минет заблуждение, что нынешний папа или его заместители рано или поздно вернутся к принципам, отвечающим основам религии" (аплодисменты).

В заключение он предложил утвердить постановление правления департамента и, кроме того, дозволить священникам, не принесшим присягу, служить мессу в приходских церквах.

В том же смысле высказался и Сийес, отстаивая, главным образом, закономерность постановления правления департамента. Он иронически заметил Трейляру, что не согласен с "той частью Комитета по церковным делам, для которых, повидимому, революция только удобный случай устроить апофеоз мощей Пор-Ройяля"²⁰ (аплодисменты). Сийес, главным образом, доказывал, что правление департамента не превысило своих прав и что его пример не может породить федеративного движения во Франции.

Против постановления высказался Ланжюине (Lanjuinais):

- Как можно думать о свободе культов! А что, если кому-нибудь вздумается восстановить культ Венеры?

Говорил еще аббат Кутюрье: "Вам предлагают, говоря языком писания, внести в религиозное святилище мерзость запустения (смех, ропот недовольства). Волей закона в наших церквах будут отправлять иные культы: их хотят превратить в мечети, в синагоги, в лютеранские и анабаптистские храмы, в пагоды; Божий дом хотят превратить в храм Ваала²¹ (ропот недовольства). Если бы два года тому назад кто-либо осмелился предложить превратить церкви в мечети - или пагоды, вы отвергли бы это предложение с возмущением (несколько голосов: нет, нет!)"

В результате Собрание приняло резолюцию, одновременно одобрявшую и порицавшую правление департамента:

"1. Национальное Собрание, заслушав доклад своей комиссии по выработке конституции о постановлении правления департамента Парижа от 11-го апреля, заявляет, что в основу его положен тот же принцип религиозной свободы, который признан и провозглашен в Декларации прав; оно постановляет, что непринесение присяги, установленной декретом от 28 ноября, не лишает священника права служить мессу в приходской церкви и народных молельнях.

2. Здания, посвященные частными обществами религиозному культу и снабженные установленной для них надписью, подлежат немедленному закрытию в случае произнесения в них речей, направленных против конституции и специально против Гражданского положения о церкви. Виновные в их произнесении, по

²⁰ Port-Royal был центром янсенизма - религиозной секты в духе Реформационного движения, распространенной во Франции в XVII и XVIII веках и имевшей здесь видных представителей в лице Паскаля, Фенелона и др. Трейляр тоже был янсенистом. - *Прим.пер.*

²¹ В этих словах заключается намек на декрет 4 апр. 1791 г., превративший церковь Св.Женевьевы в светский Пантеон (по случаю смерти Мирабо). 30 мая было постановлено перенести туда же мощи Вольтера; перенесение состоялось 11 июля 1791 г. Все это имело большое значение для освобождения общественного мнения от церковного влияния.

требованию общественного обвинителя, подлежат уголовному преследованию за нарушение общественного спокойствия".

IV

Декрет 7 мая 1791 г. занимает важное место в истории отделения церкви от государства.

Прежде всего он знаменует собой частичное поражение религиозной политики, создавшей Гражданское положение о церкви и направленной к сохранению и укреплению связи католической церкви с государством, путем изменения ее внутреннего строя и превращения ее в истинно-галликанскую, национальную церковь. Рядом с этой государственной церковью можно было допустить существование протестантского или еврейского культов, которые, при ничтожном числе последователей, не могли поколебать господства католической церкви.

Но осуществление нового церковного порядка зависело от единодушного принятия его католическим духовенством, и Национальное Собрание имело, казалось бы, все основания рассчитывать на то, что низшее духовенство с радостью примет порядок, резко улучшавший его материальное и моральное положение. Собрание, конечно, предвидело, что несколько епископов-аристократов, несколько иерархов церкви к нему не примкнут. Но последнее могло бы даже способствовать сплочению молодой галликанской церкви.

Надежды были обмануты; высшее духовенство согласованным усилием вырвало у папы осуждение Гражданского положения и тем вызвало раскол в рядах низшего духовенства. Так создалось две церкви, конституционная и папистская. Последняя желала сохранить свое особое существование со своим богослужением и своими церквями. Авторы Гражданского положения сперва вознегодовали и не желали предоставить ей свободу, не желали признать, что раскол существует; но затем им пришлось подчиниться необходимости и предоставить свободу культов, требуемую их принципами, хотя и не вписанную в Декларацию прав, которая говорит лишь о веротерпимости.

Деятели Революции установили свободу культов не добровольно; их принудили к этому обстоятельства. Они признали ее декретом 7 мая 1791 г.; признали ее нехотя, в туманных выражениях, с оговорками. Но, как бы то ни было, они ее признали.

Обратимся теперь к вопросу о том, как применялся этот декрет в Париже и департаментах.

V

Католики-паписты в Париже пожелали возобновить службу в церкви театинцев в праздник Вознесения, 2 июня 1791 г.

Собралась враждебно настроенная толпа. Говорилось о том, что непокорные священники в этой церкви причащают верующих, что это функция государственных должностных лиц и что честные граждане должны воспротивиться такой узурпации. Заявляли еще, что одни и те же лица в один и тот же день причащаются по два и по три раза. Возбужденная толпа ворвалась в церковь и опрокинула алтарь; верующие разбежались. Тогда явилась национальная гвардия, и Лафайет стал убеждать граждан, что причастие-дело церкви, а не государства. Под конец толпа рассеялась.

Мэр г. Парижа, Байльи, напечатал 5 июня открытое письмо к Лёфевр-д'Арль, в котором порицал произведенное насилие и проповедывал свободу культов.

В тот же день с шести часов утра враждебные кучки народа стали собираться перед церковью театинцев; в толпе говорили, что Байльи и Лафайет причащались в этой церкви. Католики-паписты вывесили объявление о том, что, во избежание беспорядков, их собрание не состоится, и с этих пор церковь театинцев оставалась закрытой.

Вообще, в Париже католики-паписты вынуждены были отказаться от публичного отправления своего культа, производя его лишь частным образом, чуть ли не тайно, в молельнях и часовнях при монастырях.

Роялистский орган "Journal general de la cour et de lo ville" писал 13 апреля 1791 года: "Мы можем с достоверностью утверждать, что все религии будут терпимы во Франции, кроме римской апостольской католической религии". Если не во всей Франции, то, во всяком случае, в Париже события оправдали эти слова.

Воспользовались ли прочие культы в Париже декретом 7-го мая 1791 года?

Декрет, повидимому, не изменил положения евреев. Веротерпимость, установившаяся по отношению к ним еще в конце господства старого порядка, не сразу сменилась свободой. Конечно, получив известие о преследовании евреев в Лотарингии и Эльзасе, Учредительное Собрание поручило своему председателю - 28 сентября 1789 года - указать муниципальным властям этих областей, что Декларация прав применяется и к евреям, что они стоят под защитой закона. Но все эти волеизъявления Собрания носят чисто теоретический характер. Вслед за этим, 24 декабря, Собрание оставило без разрешения вопрос о гражданских правах евреев. 28 января 1790 г. оно предоставило права активных граждан португальским, испанским и авиньонским евреям, но оставило пока прочих евреев в том же положении. И лишь перед самым роспуском, 27 сентября 1791 г.²², Собрание отменило "все отсрочки, оговорки и изъятия, внесенные в предыдущие декреты относительно всех граждан еврейской национальности, которые принесут гражданскую присягу и тем самым как бы откажутся от всех привилегий и исключительных прав, некогда для них установленных".

С 1787 г. евреи имели в Париже несколько синагог. Они ограничились ими и во время Революции. После опубликования закона 7 мая 1791 г. распространился слух, будто евреи собираются купить или нанять церкви; ничего подобного не произошло. Испуганные, прячущиеся, они удовлетворялись предоставленной им фактической веротерпимостью.

Иначе обстояло дело с протестантами. Арман Ло (Armand Lods) описал в двух содержательных брошюрах историю реформатской и лютеранской церкви в Париже. После отмены Нантского Эдикта²³ и уничтожения протестантской церкви в Шарантоне, - лютеране, за отсутствием мест богослужения, собирались в молельне шведского посольства, кальвинисты - со времени Утрехтского мира 1713 г. - в голландском посольстве. Ряд указов, изданных между 1719 и 1740 годами, воспретил эти молитвенные собрания, но провести это постановление в жизнь, конечно, не удалось. Собрания эти были вновь разрешены после 1766 года. Эдикт 1787 г., предоставивший протестантам права гражданской службы, хранил молчание о свободе культов. Протестанты истолковали это молчание в смысле сохранения права публичного отправления культа за католической церковью и разрешения не-католикам лишь непубличного богослужения. Они захотели получить церковь в Париже и пригласили пастором капеллана голландского посольства Маррона, потомка французского беженца, который оставил для этого должность капеллана; они ходатайствовали о разрешении им собраний для отправления совместного богослужения. Королевское правительство некоторое время колебалось, собирало справки, но под конец отказало, считая, что для протестантов достаточно часовен при посольствах.

После Революции лютеране, кажется, продолжали довольствоваться часовней при шведском посольстве, как и при старом порядке.

Более многочисленные кальвинисты добились, повидимому, уже в начале Революции словесного разрешения отправлять свой культ. С этой целью они наняли помещение какого-то ресторана, по улице Мондэтур и превратили его в храм, освященный 7-го июня 1789 года. После утверждения статьи Декларации прав, устанавливавшей веротерпимость (23 августа 1789 г.), у кальвинистов явилась мысль получить сколько-нибудь подходящее помещение: депутат Рабо (Rabaut) [http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#rb_set] убедил их, что время для этого еще не пришло. Чтобы не делать шума и не возбуждать общественного мнения, они остались до февраля 1790 г. в своем скромном помещении на улице Мондэтур. Впоследствии они наняли по улице Дофина старинный зал "Детей Аполлона", именовавшийся музеем.

Декрет 7 мая 1791 года придавал кальвинистам больше смелости. Они наняли за 16450 ливров церковь Сен-Луи-дю-Лувр, где собирались при благосклонной поддержке, иногда даже при участии властей, и парижское население, столь нетерпимое к папистам, никогда не стесняло их свободы.

²² Учредительное Собрание закрылось 30 сент. 1791 г. – *Прим.пер.*

²³ Нантский Эдикт, предоставивший известную свободу совести протестантам, был издан в 1598 году Генрихом IV, который сам до коронования был протестантом, он отменен Людовиком XIV в 1685 г. – *Прим.пер.*

На фасаде пастор Маррон выгравировал следующую надпись, одобренную правлением департамента Парижа: "Год от Рожд. Хр. 1791, от установления свободы год II. Здание, посвященное частным обществом религиозному культу. Мир и свобода". Внутри церкви иконы и убранство католические были заменены двумя мраморными досками, на одной из которых была начертана Декларация прав, на другой - "Отче наш". Торжественное освящение храма состоялось 22 мая 1791 года. Когда король принял Конституцию, "именитые граждане", составлявшие церковную администрацию, постановили отслужить благодарственный молебен, на который пригласили муниципальный корпус, принявший приглашение. Церемония состоялась 13 октября 1791 года в присутствии мэра Парижа Байльи и двенадцати муниципальных чиновников. По рассказу современника "собралась большая толпа народу, было много кальвинистов, еще больше философов, радовавшихся первым проявлениям веротерпимости". Пастор Маррон произнес прекрасную речь, проникнутую благородным, революционным духом, на текст: "Вы познаете истину, и истина сделает вас свободными". Он горячо восхвалял Революцию: "Ее отличает то, что вся она - творение Разума... Мы не переменили господина, а получили свободу". Слушатели были потрясены его речью и плакали.

Нельзя не противопоставить этой готовности парижан предоставить свободу протестантам нетерпимости, проявленной ими в отношении католиков-папистов.

Все дело в том, что папизм, раскол, созданный непокорными священниками, народному сознанию представлялся контр-революцией, ибо в Гражданском положении о духовенстве народ видел лучшее создание религиозной политики Революции.

Полной свободы культов желало лишь несколько благоразумных людей без всякого влияния. Большая часть левых, как и большая часть правых, интерпретировали в ограничительном смысле статью Декларации прав, говорившую о свободе религиозных мнений.

Приведем для сравнения рассуждения одного политического деятеля, представителя идеи галликанской церкви, одного католического священника и одного революционера-философа".

Представитель галликанской идеи - депутат Учредительного Собрания Камюс заявлял по поводу двух папских бреве, осуждавших Гражданское положение, что папа неправ, усматривая в соответствующей статье Декларации прав нечто иное, чем установление простого принципа государственной терпимости. "Национальное Собрание обеспечило свободу религиозных мнений, потому что оно исповедует католическую религию, и терпимость ко всем религиям - основной закон католической религии. Иисус Христос указал своим апостолам не путь принуждения, а путь проповеди; и они должны были проповедывать среди тех, кто примет их, и оставлять дома и грады, где их не пожелают слушать..."

Католический, - наверное, конституционный, - священник в анонимной брошюре под заглавием "Отрицательные стороны свободы всех культов" (*Les inconvenients de la publicité de tous les cultes*) отрицает в весьма знаменательных выражениях связь свободы культа с принципами равенства. "Утверждать, что равенство дает право свободного отправления культа всем иноверцам, значит устанавливать не равенство между людьми, а равенство истины и заблуждения. Везде, где два культа существуют рядом, один заключает в себе истину, другой - заблуждение"...

О статье Декларации, говорящей, что никого нельзя беспокоить за его религиозные мнения, он пишет: "Статья эта устанавливает только отмену инквизиций. Никто не ответствен по закону за неподчинение предписаниям религии. Как его личное дело, оно не есть преступление, наказуемое общественной властью; законы распространяются лишь на внешние действия, но не могут предписывать убеждений или карать за склонности, скрытые в глубине сознания и не нарушающие общественного спокойствия". Таким образом, церковный аноним высказывается решительно против декрета 7 мая 1791 года.

Третий политический деятель, к которому мы обратимся, - Моморо [<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#momoro>], известный впоследствии своей причастностью к

гебертизму²⁴. Он опровергал речь Сийеса, произнесенную в защиту постановления правления департамента Парижа 11 апреля 1791 года:

"Г. аббат Сийес был бы совершенно прав - заявляет Моморо, - если бы, во-первых, он мог доказать, что католическая религия, единая по самому принципу своему, ныне разделена на две самостоятельные секты, что вообще возможно существование двух католических религий.

И, во-вторых, если бы он мог нас уверить в искренности и благонамеренности непокорного духовенства и его возлюбленной паствы".

Моморо заявлял, что народ, о котором Сийес говорил с пренебрежением, в принципе не враждебен свободе культов: "Я спрашиваю, воспрепятствовал ли народ, даже подумал ли он только воспрепятствовать собранию протестантов в церкви Сен-Луи-дю-Лувр? Нет, потому что он был отлично осведомлен о достойном поведении протестантов в их храме".

Народ препятствует священникам-диссидентам служить мессу, чтобы уничтожить зародыш гражданской войны: "...Я спрашиваю, разве патриоты не усматривают в поведении непокорных священников и их сторонников первый зародыш гражданской войны, который широко развернется со временем, если его не уничтожить в корне..."

Как видите: этот будущий враг христианства, "демагог" Моморо, в то время - сторонник единства церкви: недоверчиво, враждебно встречает он начало раскола, и, чтобы помешать его развитию, он, как Камюс, как присягнувшее духовенство, желает отсрочить применение принципа свободы культов.

VI

Но что бы ни говорили, что бы ни делали, - раскол существует и растет. Он, правда, мало заметен в Париже, где на виду только конституционный культ, а культ папистский скрывается в часовнях и молельнях при монастырях. В провинции существуют две католические церкви: церковь государственная или конституционная и церковь папистская.

Которая из двух многочисленнее? Статистика верующих невозможна; статистика духовенства имеется лишь по нескольким департаментам. Так, в департаменте Арьеж (Ariege) принесли присягу, установленную законом, 246 священников, не принесли 126; в департаменте Гар (Gard) соответствующие цифры - 178 против 332, в департаменте Дуб (Doubs) - 106 против 384; в департаменте Эндр (Indres) - 291 против 48. Таким образом, соотношение числа принесших и не принесших присяги колеблется по отдельным департаментам. Оно изменилось, далее, после того, как папа осудил Гражданское положение, и часть духовенства, принесшего присягу, от этой присяги отреклось. Может быть, если когда-либо будет произведен исчерпывающий статистический подсчет, окажется, что первоначально во Франции было равное число конституционных и непокорных священников. Не подлежит, однако, сомнению, что впоследствии церковь папистская легче пополняла ряды своего клира, чем церковь конституционная.

Во всяком случае произошел раскол. От государства отпало множество, - может быть, большинство - католиков с их прежними священниками и епископами, со всем древним ореолом "истинной веры", "веры отцов"; словом, - подлинная римская церковь.

Авторы Гражданского положения почувствовали удивление, гнев и скорбь; они желали национализировать религию, чтобы была лишь одна религия, а вместо этого явились две церкви! Раскол, созданный папистами, был в их глазах преступлением против родины. Они желали бы восстановить единство властью закона, и лишь вопреки их воле декрет 7 мая 1791 года, провозглашая свободу культов, отчасти закреплял раскол.

Но дело сделано и вернуть его нельзя. Отныне папистская церковь окончательно отделилась от государства. Она не имеет ни имущества ни доходов и должна сама

²⁴ Гебер (Hebert) - способный журналист, представитель крайней левой времени Конвента, редактор демократического народного листка "Pere Duchesne", главный руководитель "Парижской Коммуны" - революционного правления Парижа в 1792 г., принявшего деятельное участие в свержении Людовика XVI. Он был гильотинирован 24 марта 1794 г. в период диктатуры Робеспьера. - *Прим.пер.* Жак Рене ЭБЕР: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#hbrt>.

организовываться на средства верующих; она должна теперь попытаться использовать свободу, предоставленную ей декретом 7 мая 1791 года.

С точки зрения папистов свобода дана им лишь наполовину. Так, Учредительное Собрание не разрешило им восстановить церковную иерархию и иметь епископов. В заседании 18 июня 1791 года возникли прения по обвинению кардинала де-Ларошфуко, архиепископа Руанского, в том, что он продолжал исполнять свои функции после избрания конституционного епископа в департаменте Нижней Сены; он избежал обвинения лишь в виду преклонного возраста и общей симпатии к нему.

Епископы, не принесшие присяги, вынуждены эмигрировать или скрываться; они продолжают тайно руководить своими диоцезами (епархиями) или непосредственно, или через своих викариев. В большинстве своем аристократы, они жалеют о старом порядке, о своих былых привилегиях. Эти аристократы тянут за собой в партию аристократов неприсягнувших священников. И нельзя при этом не отметить, что эти священники, так сказать, аристократизируются лишь потому, что аристократы обеспечивают им определенную клиентелу.

Но и та ограниченная свобода культа, которую предоставлял неконформистам декрет 7 мая 1791 г., устанавливается им весьма неясно. В конце концов, дозволялось ли не принесшим присяги священникам отправлять службу "частным порядком" (à titre privé, как значилось в декрете)? Закон в этом отношении неясен.

Закон 27 ноября 1790 года, вводивший присягу, предписывал (ст. 7-я) преследовать "как нарушителей общественного порядка" тех, неприсягнувших священников, "которые попытались бы исполнять свои прежние общественные обязанности". Закон 7 мая 1791 года выражался точнее: он позволял им служить мессу в приходских церквях; но и только. Но закон этот содержал еще неясно выраженное разрешение отправлять все обряды культа в неприходских церквях, и это позволяет считать, что закон этот устанавливал известную свободу. Наконец, закон 4 апреля 1791 г. поручил муниципалитетам и муниципальной администрации доносить о нарушении законов священниками, не принесшими присяги, и немедленно преследовать их перед судом дистрикта.²⁵

19 июня 1791 г. Трейляр потребовал, чтобы Конституанта обязала общественных обвинителей, под угрозой обвинения в преступлении и отрешения от должности, привлекать к ответственности всех священников, не принесших присяги, которые, после вступления в должность их заместителей, продолжали и продолжают отправлять "прежние общественные функции". Депутат от третьего сословия г.Кагора (Cahors) Лашез (член правого крыла) потребовал более точного определения выражения "общественные функции". Хотят ли отменить декрет 7 мая 1791 г., дозволявший свободное отправление службы в неприходских церквях.

Послышался ропот, - возгласы: на голосование!

Депутат Д'андрэ пытался доказать, что предшествующие декреты вполне ясны, точно определяют, что дозволено не принесшим присяги, и не нуждаются в разъяснении. Депутат де-Вирьё потребовал, чтобы декреты были прочитаны. "Иначе, сказал он, вы откроете путь всевозможным преследованиям". - "R вы открываете путь беспорядкам", раздались голоса слева. Приёр-де-ла-Марн потребовал прекращения прений и, несмотря на требования правого крыла передать вопрос в комитет конституции, собрание вотировало декрет, предложенный Трейляром, присоединив статью о лишении содержания и пенсии священников, принесших присягу и затем от нее отказавшихся.

Итак, собрание отказалось точнее определить, что понимает оно под "общественными функциями" духовенства. На практике сказывалась тенденция считать, что священники-диссиденты узурпируют общественные функции и нарушают законы, когда исповедуют, крестят, венчают, хоронят, святят воду. Они не должны были конкурировать с конституционным приходским священником.

А Л Ф О Н С О Л А Р

Ц Е Р К О В Ъ и Г О С У Д А Р С Т В О

в Э П О Х У В Е Л И К О Й Ф Р А Н Ц У З С К О Й Р Е В О Л Ю Ц И И

²⁵ Дистрикт - административное деление, соответствующее нашему уезду или нынешнему округу. - Прим.пер.

Перевод с франц. Н.Рубинштейна

Харьков. 1925

Конечно, если бы у них было так же мало последователей, как у протестантов, ничтожная горсточка приверженцев, - им дали бы свободу. Но их духовенство и его паства многочисленны; их церкви полны; они соперничают с конституционным духовенством, - и вот этого не желают допустить.

В этом отношении чрезвычайно характерна запись в дневнике генерала Дюмурье, в то время начальника 12-й дивизии в Ниоре (Niort), сделанная им в августе 1791 года.

"С точки зрения принципов свободы, лежащих в основе нашей конституции, было бы, конечно, последовательно предоставлять церкви нон-конформистам, где бы они ни пожелали. Но тогда в силу того же принципа пришлось бы предоставить их священникам право крестить, венчать, хоронить в отведенных им церквах, так как все эти обряды имеют не чисто гражданский характер, но также религиозный и принадлежат к религиозному культу. Но если предоставить нон-конформистам особые приходские церкви или иные, их заменяющие, как это имело место в Париже, то священники, принесшие присягу, вскоре остались бы без дела. Да и Римская партия на этом, конечно, не остановилась бы. Веротерпимость одной стороны привела бы скоро к церковным отлучениям с другой стороны;

Конституция была бы поколеблена сперва в своих постановлениях, касающихся организации духовенства, затем в вопросах о распоряжении национальными имуществами, о феодальных правах, о королевской власти. Тогда оба высших сословия (дворянство и духовенство, прим. перев.) примкнули бы к королю, чтобы лишить народ суверенитета, и Законодательное Собрание оказалось бы бессильным отстоять Конституцию. По желанию всех партий был бы собран Национальный Конвент, который и довершил бы уничтожение великого дела Революции".

Итак, не одна лишь "невежественная" толпа, в городе и на селе, была против свободы культа; самые образованные "патриоты", даже такой утонченный скептик, как Дюмурье, видели в расколе контр-революцию.

Но теперь, что касается применения декрета 7 мая 1791 года в отношении предоставления церквей, необходимо различать между городом и деревней.

Декрет предоставлял священникам-папистам право служить мессу в приходской церкви. Но их епископы обычно воспрещали им это, чтобы не соприкасаться в божественных делах (*in divinis*) с новым духовенством. В городах это было легко: упразднение приходских церквей и монастырей оставило множество свободных церквей и часовен, которые нон-конформисты могли приобрести или нанять. Но на селе, где в каждой общине существовала только одна приходская церковь, церковь конституционного священника, диссидентам не легко было найти особое помещение. Когда тее местный богач или бывший сеньер предоставлял им часовню в своем замке, то эти собрания разгонялись, как контр-революционные. Во многих деревнях крестьянам приходилось отправлять службу в домах на окраине или просто в лесу, на поле.

Понятна их ненависть к пастве нового священника, пользующегося прежней церковью. Разделение привело сначала к ссорам, затем очень скоро к открытым столкновениям.

Вот все те общие замечания, возможные в настоящее время по вопросу о применении первого закона о свободе культов. Можно было бы еще добавить, что правления департаментов обычно стоят за этот закон, а муниципалитеты и духовенство против него.

Теперь всего плодотворнее будет привести несколько примеров, воспользовавшись имеющимися в настоящее время несколькими работами по областной истории.

VII

В департаменте Дуб (Doubs) события развивались следующим образом:

В Безансоне, после замены епископа Дюфора конституционным епископом Сегэном, католики-паписты в страхе, что дети их не получают конфирмации, обратились в апреле 1791 года к г.Франшэ-дэ-Ран, епископу Розе *in partibus infidelium*, викарию архиепископа

Безансонского, находившемся в Лозанне, который и дал конфирмацию их детям раньше установленного возраста. Муниципалитет Безансона немедленно обратился к г.Дюфору, временно исполнявшему обязанности епископа (до вступления в должность заместителя), с жалобой на конфирмацию детей раньше достижения ими сознательного возраста и с требованием прекратить злоупотребления, могущие вызвать беспорядки.

23 апреля три не принесших присяги священника проповедывали в церкви Сен-Мадлен. Распространился слух, что они говорили против конституционной церкви, обвиняя ее в расколе и в святотатстве. Немедленно несколько членов Якобинского клуба явились в церковь, задержали священников и отвели их на гауптвахту. Муниципалитет возбудил против этих священников преследование и двоих посадил под арест.

В Назэ (департамент Дуб'а) бернардинский²⁶ монах Антид Расин поносил Гражданское положение. Муниципалитет воспретил ему служить мессу, а правление дистрикта разрешило муниципалитету изгнать его из общины: он должен был удалиться на десять лье под угрозой ареста.

7 мая 1791 г. правление департамента Дуб под председательством епископа Сегэна, постановило - совершенно незаконно, - что в случае, если присутствие непокорного священника будет служить поводом "к каким-либо беспорядкам или раздорам", муниципальные власти имеют право изгнать его из общины.

Это совпало с тем самым днем, когда Конституанта приняла декрет о свободе культов. И после того, как он стал известен, его не применяли, - руководствовались всецело декретом 27 ноября 1790 г. и считали, например, действием противозаконным, если не принесший присяги священник служил мессу в часовне, двери которой были открыты для публики.

Правление департамента Дуб не желало иметь двух культов. Так, 20 мая 1791 г. генеральный прокурор-синдик департамента обратился к муниципалисту Пуйе-ле-Винь* с жалобой на действия прежнего священника общины, воздвигшего "алтарь против алтаря". 30 мая правление предписало священнику покинуть общину. Когда же муниципальная администрация стала на сторону священника-паписта, оно устранило ее от должности и заменило новой.

Г.Созэ, автор книги по религиозной истории департамента Дуб за время Революции,²⁷ - человек правых воззрений; он больше говорит о преследованиях диссидентов "конституционной" церковью. Историк департамента Гар, г.Рувьер, принадлежащий к левому направлению, приводит сведения о насилиях, произведенных непокорными священниками над конституционными. Так, в общине Эмарг, братство кающихся устроило 26 июня публичную процессию без конституционного священника; они стали возбуждать народ против священника Перрэна. Каждый вечер, с наступлением темноты, народ собирался вокруг его дома; раздавались крики s'en ira (он уйдет) вместо припева sa ira (пойдет); в Перрэна и его прислугу бросали камнями. В воскресенье во время церковной службы множество женщин собралось у входа в церковь, чтобы воспрепятствовать верующим присутствовать при службе, "угрожая избить кнутом женщин, а мужчин вздернуть на фонарь".

Тем не менее декрет 7 мая 1791 г. был применен в Гаре; 18 июня 1791 г. правление департамента разрешило нон-конформистам открытие церквей и установило для них надписи.

То же было и в Арьеже. В Национальном Архиве имеется следующее извлечение из протокола правления департамента: "Г.Тиссейре, портной, и граждане общины Памье, приобретшие прежнюю церковь кармелитов в Памье, просили разрешить им мирные собрания в церкви для отправления церковной службы согласно обрядам римской апостольской католической церкви, предлагая поместить на дверях ее следующую надпись: "Любовь к Богу и ближнему, послушание и уважение к закону; мир и милосердие", а также не допускать никаких выступлений' против Конституции, в частности против Гражданского положения о духовенстве".

АЛЬФОНС ОЛАР

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО

²⁶ Бернардинский Орден основан во Франции по уставу, данному Бернардом Клервосским, в XII веке. — Прим.пер.

²⁷ Которой и пользовался Олар в предшествующем изложении. — Прим.пер.

Правление департамента одобрило текст надписи и разрешило отправлять в церкви тот культ, который они желают.

Но "патриоты" Памье воспротивились открытому отправлению папистского культа. Произошли беспорядки, и муниципалитет закрыл церковь. Правление департамента предписало открыть ее вновь, но муниципалитет отказался, и хотя правление департамента продолжало настаивать на своем требовании, муниципалитет остался при своем решении.

Г.Россиньоль в своей поучительной "Истории округа Галльяк во время Революции" приводит ряд фактов, которые показывают, что и там население было враждебно свободе культов и применению декрета 7-го мая, не желая признать раскола. Он описывает для примера события, имевший место в Лиле (Lisle, департамент Тарн).

"В Лиле существовали две резко враждебные. Некто Лапейр, бакалавр Тулузского университета был избран 14-го августа конституционным священником Лиле и 15-го августа поставлен во главе прихода. 21-го мэр с чиновниками муниципалитета торжественно ввели его в должность. Монашенки отказались передать ему ключи от церкви и выдали их лишь 2-го сентября по прямому распоряжению мэра, заявив: "вот они, но вы недостойны войти в церковь". 3-го сентября, под влиянием священника, муниципалитет распорядился, чтобы двери церкви были закрыты до шести часов утра и с восьми до десяти, с тем, что неприсягнувшие священники смогут служить мессе лишь в это время - при закрытых дверях. "Больной, не призвавший приходского священника после пяти дней болезни, считается отрекшимся от католической религии и лишается, в случае смерти, церковного погребения; священник, в сопровождении лиц, выбранных им по его желанию, будет посещать больных на дому, и те, которые не примут его духовной помощи, подлежат преследованию при жизни и после смерти, ибо священник может даже велеть выкопать из земли их труп".

"Это своеобразное распоряжение было приведено в исполнение. В Лиле часть национальной гвардии, располагаясь при входе в сельские церкви, врывается в святилища, изгоняла неугодных ей лиц; однажды она остановила похороны, происходившие с разрешения дистрикта, и заставила хоронить без религиозного обряда; в другой раз она заставила одного жителя селения Сен-Сальви отнести своего ребенка, родившегося за месяц до того, в церковь, чтобы его крестил конституционный священник.

"Сорок девять активных граждан возымели мужество протестовать против всех этих бесчинств; они требовали, чтобы двери церкви были открыты весь день и чтобы все без различия священники могли служить в ней мессе, "чтобы больные могли свободно обращаться за духовной помощью к тем священникам, к которым пожелают, чтобы мертвые не лишались церковного погребения, чтобы священник посещал больных один, без свиты, без устрашающего снаряжения, чтобы отказавшиеся от его услуг не подвергались преследованиям ни при жизни ни после смерти, наконец, чтобы национальная гвардия не смела врваться в церковь и изгонять оттуда лиц, ей неугодных".

"Правление дистрикта Галльяк 26-го сентября обратилось с просьбой к правлению департамента отменить распоряжения муниципалитета; вместе с тем оно опубликовало в Лиле сообщение, что религиозные мнения и культ совершенно свободны. Но нападки на религию и духовенство продолжались, и "добрые граждане" Лиле ходили слушать мессу в Сен-Жери."

Правление департамента Соны-и-Луары приняло все меры, чтобы декрет 7-го мая был приведен в исполнение. Оно опубликовало инструкцию "об общей свободе

религиозных мнений и культа" и воспретило гражданам "препятствовать священникам, не принесшим присяги, отправлять церковные обязанности, дозволенные законом, а именно служить мессу и исповедывать".

Распоряжения были исполнены; по крайней мере, в Отэне (Autun) муниципалитет сам ходатайствовал об открытии церквей и часовен религиозных братств для нужд диссидентов.

Ограничение священников мессой и исповедыванием установлено для нон-конформистов и в департаменте Эн (Ain), прибавившем еще необходимость согласия выборного конституционного священника".

В Амьене муниципалитет ходатайствовал перед департаментом о запрещении нон-конформистам отправлять их культ, в виду того, что для национальной гвардии слишком трудно охранять порядок у их молелен. Правление департамента препроводило ходатайство Учредительному Собранию, дав отрицательное заключение, и постановило, что нон-конформисты могут по-прежнему посещать свои молельни при условии, чтобы последние не заменяли собой приходской церкви.

В Бретани борьба между обеими сектами приняла острый характер, и здесь правления департаментов отнеслись отрицательно к свободе культов. Правление департамента Финистер революционным распоряжением от 21 апреля 1791 г. предписало священникам, не принесшим присяги, удалиться на расстояние четырех лье от их прежних приходов. 2 июля оно предписало администрации дистриктов выслать всех этих священников в Брест.

Правление департамента Нижней Луары постановило 9 мая 1791 года обязать всех приходских священников и их викариев, не принесших присяги, покинуть территорию их прежних приходов под страхом задержания в качестве заложников на случай нарушения порядка и общественного спокойствия, а 9 июня постановило интернировать их в семинарии в Нанте.

В департаменте Иль-э-Вилэн, правление также отнеслось отрицательно к применению декрета 7 мая; оно с наивным чистосердечием писало 3 июня 1791 года Комиссии Сношений: "Лишь только появится вывеска на храме, где непокорные священники получают право отправлять свой культ, патриоты, конечно, удалятся оттуда; диссиденты же познают тогда свою силу, и это усилит их упорство и предприимчивость, так как в городе приходится два диссидента на одного патриота".

Наконец, в Вандее правление департамента применило декрет 7 мая лишь с некоторыми ограничениями. Но раздоры между обеими сектами явились предвестником гражданской войны. Шассэн привел ряд интересных данных в своей книге *La preparation de la guerre de Vendee* ("Подготовка войны в Вандее"). Выше приводилась уже выдержка из дневника коменданта Ниора Дюмурье, характеризующая взгляд самых умных "патриотов" того времени на свободу культов. Приведу еще следующую: "17, 19, 20 (августа 1791 г.) свыше двухсот граждан Фонтёна разного состояния представляли комиссарам петицию о предоставлении церкви нон-конформистам, каковая была благоразумно отвергнута". Далее он прибавляет: "Петиция занимает все умы; правление департамента тайно поддерживает ее; в правлении дистрикта царит разногласие; но муниципалитет единогласно ее отвергает".

Комиссары, о которых говорит Дюмурье, - Галлуа и Жансоннэ, были посланы в Вандею и в дистрикт Шатильона министром юстиции по предложению Учредительного Собрания для ознакомления с положением и восстановления порядка. Свой отчет они представили уже не Учредительному, а Законодательному Собранию, но относится он всецело ко времени первого.

Этот отчет весьма поучителен. Он рисует привязанность крестьян Вандеи к их священникам, не принесшим присяги, и показывает, как в силу этой любви они постепенно охладели к революции. Вместо того, чтобы предоставить свободу, комиссары решительно отвергли все ходатайства диссидентов о предоставлении им помещений для отправления культа: "Зная, что созданием своим эти петиции обязаны особенной энергии лиц, которые своих имен под ними не проставили, и считая, что они представляют лишь часть общей тайной организации, - мы сочли невозможным утвердить религиозный раскол, который, в настоящее время и в условиях данного департамента, явится по существу своему расколом государственным".

VIII

Итак, в 1791 году большинство "патриотов", - как невежественных, так и образованных, - были враждебны свободе культов и, не желая раскола, противились применению декрета 7 мая 1791 года, устанавливавшего косвенно свободу культа.

Но в то время, как народ в Париже и в департаментах насильственно противился введению этой свободы, Учредительное Собрание провозглашало ее, наконец, и тем самым исправляло и дополняло статью Декларации прав, вводившую только веротерпимость. А именно, при пересмотре Конституции 9 августа 1791 года, она к ее основным положениям добавила, что означенная Конституция обеспечивает каждому "свободу отправлять тот культ, которому он следует". И, судя по газетным отчетам, это положение не вызвало никаких прений.

Точно так же статья 11-я II-го раздела полицейского закона 19 июля 1791 г. устанавливала денежный штраф и тюремное заключение "за оскорбление предметов какого-либо культа путем печати или в местах, предназначенных для отправления соответствующего культа, за оскорбление его служителей при исполнении ими службы, за беспорядки, нарушающие религиозную церемонию какого-либо культа".

Наконец, Людовик XVI в своем обращении к населению от 28 сентября 1791 года настойчиво требовал осуществления свободы культов: "Пусть религиозные мнения не будут отныне источником преследований и ненависти; пусть каждый, в пределах закона, отправляет тот культ, которому он следует, пусть не преследуют друг друга те, кто, следуя голосу своей совести, исповедуют разные религии".

Эти слова короля произвели большое впечатление: во время Законодательного Собрания они придали смелость правлениям департаментов в их сопротивлении муниципалитетам и в защите свободы нон-конформистского культа.

ГЛАВА II. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

(1 октября 1791 г. - 20 сентября 1792 г.)

I

Итак, Учредительное Собрание, заявившее первоначально, в Декларации прав, лишь о веротерпимости, в конечном итоге провозгласило свободу культов и даже внесла ее в конституцию. Эта свобода, установленная конституцией, на практике, как было указано, вызвала споры, беспорядки, местами даже прямо упразднялась в силу фанатизма обеих сект, образовавшихся в римской церкви.

Религиозные беспорядки вопреки закону продолжались во время Законодательного Собрания. В октябре-ноябре 1791 года повторяются инциденты, аналогичные тем, которые были отмечены в последние месяцы деятельности Конституанты.

Вместо общего описания событий, которое при нынешнем состоянии наших знаний не может быть полным, я лучше приведу один пример, - точный текст, касающийся одного определенного факта.

В Национальном Архиве имеется документ, излагающий неудачи католиков нон-конформистов в Сен-Лизье-де-Кузеран (Saint-Lizier-de-Couserans) дистрикта Сен-Жирон (Saint-Girons), департамента Арьеж. Это - мемуар, отправленный королю 18 декабря 1791 года синдиком (старшиной) местных католиков, заключающий жалобу на те насилия, которые им пришлось претерпеть в октябре и ноябре месяце со стороны присягнувших католиков.

Весь мемуар представляет для нас интерес, и потому приводится здесь полностью:

"Государь! Вы полны заботы о счастье Вашего народа, желаете его, добиваетесь его тяжкими трудами. Конституция, которую вы недавно санкционировали, гарантирует ему благоденствие. Если бы граждане не только восхищались ею, но и уважали ее законы, то исполнилось бы общее желание, и французское государство могло бы служить примером для всех прочих государств; мир и единение господствовали бы в нем, как в семье, где все одинаково думают и одинаково чувствуют; и группа несчастных граждан не должна была бы беспокоить вас рассказом о своих бедствиях и от далеких

Пиреней взывать к вашему правосудию, к вашей отеческой доброте.

"После того, как мудрые законы, введя свободу религиозных мнений, культа и выбора его учителей, предоставили каждому индивидууму избрать тот культ, которому он желает следовать, значительная и большая часть граждан бывшего епископального города Сен-Лизье-де-Кузеран решила полностью следовать римской апостольской католической церкви, не получающей содержания от государства.

"Для осуществления их намерения нужно было устроить собрание и для этого предварительно сообщить об их желании муниципалитету; формальное извещение было подано 20-го октября, и выдержка из него прилагается. Муниципалитет не проявил отрицательного отношения, и граждане собрались мирно и чинно того же 20-го октября. Они обсудили, какие меры принять для организации культа, не, нарушая законов; они избрали своими священниками господ Дюро и Сора, бывших священников их прихода, самых добродетельных и миролюбивых людей, каких только видел свет, и вообще рассмотрели все вопросы, касавшиеся цели их собрания. Собрание проявило миролюбие, подчинение законам, ревностное отношение к своей религии. Протокол собрания прилагается.²⁸

"В интересах мира, в видах мудрой предосторожности, собравшиеся сообщили властям содержание своих постановлений, чтобы, в случае надобности, исправить их или даже совершенно переделать; копии постановления были представлены: во 1-х - муниципалитету, который признал их согласными с законом, во 2-х - правлению дистрикта, не выразившему никакого недовольства, в 3-х - присягнувшим священникам, не заявившим никакого протеста, в 4-х - господам Дюро и Сора, избранным служителями настоящего культа и тем не менее подписавшимся лишь со следующей оговоркой: "Присоединяются, поскольку закон позволяет" (*Adherent autant que la loi peut le permettre*). Таково было поведение собравшихся.

"После всех этих предосторожностей, шедших еще дальше, чем этого требовал закон, могли ли граждане опасаться, что их церковная служба будет нарушена? А, между тем, так случилось. И как все произошло! Здесь-то начинается история перенесенных ими преследований, история ужасных, беспримерных святотатств.

"В воскресенье 23-го октября должна была начаться служба в церкви, на фасаде которой стояла надпись: "Церковь римских католиков - нон-конформистов".

"Народ, долгое время лишенный возможности присутствовать на такой службе, собрался в большом числе, но совершенно мирно. Многие мужчины и женщины, исполненные радости, собрались в церкви раньше своих священников. Народ сошелся, началась служба, отслужили мессу. Но тут появилась группа неистовствующих людей и, пренебрегая святостью места, стала оскорблять присутствующих, которые, как истинные служители Иисуса Христа, явили образец долготерпения и встретили глубоким молчанием их нечестивее действия. По окончании божественной службы угрозы насилия возобновились. Муниципальные власти были поставлены в известность; на их запрос; о причине волнений,

²⁸ Документы, на которые делаются ссылки, в печатаемом тексте Оларом не приводятся, как мало интересные. - *Прим.пер.*

они получили ответ, что разрешение, предоставленное муниципалитетом, недостаточно для публичного отправления культа, что требуется еще разрешение дистрикта и департамента. Как же поступил муниципалитет? В интересах мира, он воспретил продолжать отправление божественной службы до получения утверждения со стороны правления дистрикта и департамента. Все было немедленно приостановлено; два депутата отправились в правление дистрикта получить его суждение об имевших место обсуждениях и о принятой надписи; оттуда они отправились в правление департамента для получения требуемого постановления.

"Что же происходит в течение этого времени? По простому словесному заявлению одного члена муниципалитета, решительного врага католиков-нон-конформистов, королевский комиссар и общественный обвинитель предъявляют суду столь же грозное, сколь несправедливое обвинение против вышеуказанных участников обсуждения и, в частности, против господ Дюро и Сора, их священников, за то, главным образом, что они присоединились к вышеуказанным решениям собрания, несмотря на то, что ими была сделана оговорка: "поскольку закон позволяет" - казалось бы, доказывающая их подчинение закону; затем обвинение было предъявлено против Луи Даргэна, иподьякона, за предоставление им своего помещения под означенное собрание и против господина Шарля Даргэна, его брата, подписавшего постановления в качестве официального регистратора. Суд немедленно, не вступая в рассмотрение вопроса о своей компетенции в разрешении этого дела, принял постановление о производстве расследования и о личном задержании господ Дюро и Сора, почтенных священников, и братьев Даргэн, точно они виновны в самых тяжких преступлениях. Это несправедливое и жестокое постановление было немедленно приведено в исполнение в отношении иподьякона Луи Даргэна, которого конная стража отвела со всевозможным бесчестьем даже не в арестный дом, как значилось в распоряжении суда, а в тюрьму, где он очутился вместе с величайшими преступниками. Разве можно было ждать столь несправедливых и жестоких притеснений, живя под властью законов, охраняющих свободу?

"Сведения о возмутительных действиях против господ Дюро, Сора и братьев Даргэн распространились по всем кантонам Кузерана, вызывая общее возмущение. Тем временем вернулись депутаты, отправившиеся в правление дистрикта и департамента и принесли постановление следующего содержания: "Муниципальные власти должны оказать защиту просителям при отправлении ими службы, после того как ими во исполнение закона установлена будет надпись на фасаде церкви. Копия постановления прилагается.

"Жалобщики имели бы основания обратить внимание на быющее в глаза противоречие между решением правлений дистрикта и департамента относительно постановлений, принятых ими на собрании, и возмутительным суждением суда, самая компетентность которого неизвестна; стараниями общественного обвинителя суд уже приступил к следствию и заслушал показания всей клики руководителей банды, виновников всех беспорядков, с которыми общественный обвинитель лично связан. Но к чему! от вашей великой мудрости все это не ускользнет, о, покровитель угнетенной невинности.

"Вооружившись постановлением департамента, которое не только одобряло решения собрания, но еще предписывало

муниципальным властям наблюдать за его исполнением, жалобщики предъявили его муниципалитету, который, со своей стороны, распустил его во всеобщее сведение. Выполнив установленную законом форму, имея все права на то, жалобщики возобновили отправление своего культа 20-го ноября. В этот день они не встретили никакого противодействия, церковная служба происходила мирно и без волнений. Жалобщики думали уже, что они вернули себе мир и спокойствие; но надежды их были жестоко обмануты, и мир этот длился недолго! В следующее же воскресенье, 27-го того же месяца, когда народ собирался толпами на вечернюю службу, прежние бездельники, расположились на дорогах, ведущих к нашей церкви, и возобновили свои безобразия, угрожая одним, оскорбляя других; они даже ударили одного почтенного старца, господина Микеля; во время службы они пели у дверей церкви, танцевали и выпускали угрожающие крики, способные вселить страх в души самых храбрых; во время вечерни повторились те же оскорбления, те же беспорядки. Наконец, ночью эти святотатцы взломали двери церкви, ограбили ее, захватили все предметы богослужения, все церковные украшения и, присвоив то, что им нравилось, побросали остальное в реку. Какой ужас! что за поступки! И за что? разве были нарушены законы, уважение, покорность властям? Само собой разумеется, жалобщики легко могли силу противопоставить насилию, поставив сто человек против одного, все население против нескольких злоумышленников, и, конечно, победа была бы на их стороне. Но истинным христианам присущи кротость и терпение, и жалобщики не сопротивлялись насилию, и все их сопротивление заключалось в молитвах, стенании и плаче. Государь, они вели себя столь благоразумно, чтобы не допустить возникновения неисчислимых бедствий, может быть, даже гражданской войны. Они надеются на Божье правосудие и верят, что властью, данной вам от Бога, вы восстановите мир и порядок.

"По мере умножения насилий, долженствующих помешать им, отвратить их от отправления службы, их ревность к вере растет; на следующий же день, в понедельник, они собрали всю церковную утварь, уцелевшую на берегах реки, и по возможности привели церковь в такой вид, который позволил бы им продолжать службу в ближайшее воскресенье. В это воскресенье, 3-го декабря, служба состоялась; утром особенных беспорядков не было. Но какой ужас, какое святотатство совершилось днем! если бы только можно было предать все это забвению! и почему приходится описывать эти сцены перед самым любимым из монархов, который, читая об этом, должен будет содрогнуться от ужаса!

"Днем, когда церковь была полна народу - горожан и селян, шайка негодяев, частью вооруженная, девушки и женщины в том числе, появилась в церкви с исступлением на лицах. Народ, невинный и робкий, залился слезами. Взволнованный господин Сора прервал службу, тщетно стараясь успокоить народ; он обратился к неистовой банде с храбростью и сдержанностью, к которой его обязывает сан, и сказал им: "Господа и товарищи, чего вы от нас хотите? мы далеки от мысли причинить кому-либо зло; именем Бога, которому мы служим, призываю Вас оставить нас в покое". Слова эти не произвели никакого впечатления, и плач и слезы в церкви усилились. Господин Сора снова обратился к негодяям с увещаниями: "Господа, если вам нужна жертва, извольте, берите меня, убейте, пролейте мою кровь, но пощадите мою паству; я же умру счастливый, умирая за нее".

"Правда, на этот раз буйная банда вышла из церкви, но лишь на время, пока закончилась служба и народ разошелся. Тогда они вернулись в церковь и, ничего не оставляя на месте, стали резать и ломать алтарь, иконы, исповедальни, церковное белье, словом, все, вплоть до доски, прибитой на дверях церкви, согласно закону; из обломков они тут же устроили костер; иные куски уносились домой, как трофеи; нет такой мерзости, которая не была бы совершена; трудно всему этому поверить, и не хватает смелости продолжать рассказ во всех подробностях.

"Можно ли было подумать, что в стране, которой управляют самые мудрые законы, обеспечивающие свободу, найдутся люди, способные на святотатство, на жестокости, которые лишают часть граждан возможности присутствовать на мессе, на божественной службе, невозможной после уничтожения алтаря и осквернения храма? Сердца несчастных жертв обращены к вам, отец народа. Они надеются на ваше правосудие: виновные должны ответить за убытки, причиненные церкви, и за оскорбление божества; вами, великий король, будет положен предел их дерзкой предприимчивости; вы вернете нам наш культ, мир и порядок; вы вернете заслуженный мир нашей душе. Мы же с чувством справедливой признательности будем неизменно возносить молитвы о вашем благополучии.

Подпись:

Дюрьё (Durieux), старшина католиков-нон-конформистов".

Приведенный рассказ явно тенденциозен; чувствуется, что здесь изложено не все, и хотелось бы узнать также версию конституционных католиков, "патриотов". Ясно одно: в этой области Пиренеев религиозные страсти достигли того напряжения, которое ведет уже к гражданской войне.

Из этого инцидента, как и из множества других, следы которых сохранились по другим областям, можно, во-первых! заключить, что почти повсеместно "патриоты" были по-прежнему убеждены, что разрешение свободы культа нон-конформистам грозит контр-революцией. С другой стороны, подлинные и совершенно определенные выражения взглядов клира римской церкви свидетельствуют, что католики-паписты были в общем убеждены, что сохранение конституционной церкви означало гибель религии.

Так было в департаментах. В Париже положение вещей и настроения все те же. Нон-конформисты не могут мирно отправлять свой культ даже в частных часовнях, где они собираются негласно. С 25 сентября по 11 октября 1791 года шумные скопища происходили у дверей этих часовен, в частности* у часовни при братстве ирландских монахов, помещавшейся на улице Кармелитов под именем коллегии Ломбардцев. Женщин били кнутом.

12 октября правление департамента Парижа предписало муниципальным властям блюсти впредь свободу культов, а прокурору общины возбудить преследование против виновных.

14 октября общинный совет под видом подчинения распоряжению открыл для публики церкви кармелитов²⁹, института Валь-де-Грас, св.Марии и разрешил отправлять в них богослужение "под руководством и наблюдением приходского священника церкви Сен-Жак (Saint Jacques-du-Haut-Pas) или тех священников, в чьем приходе эти церкви помещаются".

В действительности это лишало нон-конформистов возможности отправлять свой культ.

Правление департамента ответило на это постановлением от 19 октября 1791 г., гласившим, "что всякий гражданин, общество, агрегация, братство, церковные или мирские, могут открывать церкви, часовни, храмы и иные здания, предназначенные для какого-либо религиозного культа, и подлежат наблюдению только со стороны чинов

²⁹ Монашеский орден, основанный в XII веке в Палестине Бертольдом Калабрийским. - Прим.пер.

полиции, которые обязываются следить за тем, чтобы в этих зданиях не нарушался общественный порядок".

Но все усилия правления департамента обеспечить свободу культа остались тщетными, и если в Париже не происходило больше беспорядков на почве религии, то объясняется это тем, что нон-конформисты уже не отправляли публично своего культа.

II

Итак, в то время, когда Законодательное Собрание начинало свою деятельность, не было никакой возможности осуществить свободный строй в вопросах культа, установленный законом и конституцией. Чем вызывалась эта распря? До некоторой степени тем, что были священники, получающие жалование и не получающие, священники, состоящие на государственной службе и не состоящие на таковой.

Возникал вопрос: если упразднить эти различия, упразднить бюджет культов, прекратить вмешательство государства в религиозные дела, то не будет ли это средством прекратить или, по меньшей мере, ослабить распря? Несколько смелых наблюдателей уже в это время высказывают такие мысли.

Так, в октябре или ноябре 1791 года анонимный автор брошюры "Мнение о религиозных культах и об их взаимоотношении с государством" предлагает, как сказали бы мы теперь, проект отделения церкви от государства. Проект содержит две определенные статьи: "Отныне ни один религиозный культ не будет оплачиваться государством. Государство предоставит и обеспечит каждому человеку свободу говорить и действовать, как ему совесть укажет, поскольку его действия или речи не направлены к нарушению общественного порядка, установленного законом. Народ объявляет, что не нуждается больше в священниках для совершения актов гражданского состояния, и что таким образом, не поручая им впредь никаких государственных функций, он перестает платить им жалование".

Мы не знаем, было ли отмечено это выступление. Но, конечно, обратило на себя внимание письмо Андре Шенье, напечатанное в "Монитёре" 22 октября 1791 года не столько благодаря имени Андре Шенье, в то время мало известного, сколько потому, что "Монитёр" был самой значительной газетой того времени. Приводим ниже текст письма:

"Наименее просвещенная часть населения, пожалуй, права, считая, что многие неприсягнувшие священники - лицемеры, весьма равнодушные к интересам религии, вся цель которых - путем беспорядков создать затруднения для новых установлений. Но они глубоко заблуждаются, рассчитывая предупредить их мрачные замыслы насилием и дурным обращением; их новые священники, которым они доверяют, должны им это разъяснить. Между тем, некоторые из них, беспокойные и злобные честолюбцы, усматривают во всех этих распрях только случай возвыситься лично, оглашая кафедру и трибуну шумными декларациями в стиле апостольского красноречия, вечно опираясь на Евангелие, книгу, где все найдешь, чего бы ни искал; их всегда готовы поддержать несколько самозванных патриотов, весь патриотизм которых заключается в том, что они выжидают рождения народных страстей с тем, чтобы затем, в момент их взрыва, оправдывать и поддерживать их жестокими софизмами и исступленными конвульсиями.

"Мы освободимся от влияния подобных людей лишь тогда, когда Национальное Собрание обеспечит каждому полную свободу следовать или изобретать любую религию, какую он пожелает; когда каждый гражданин будет оплачивать тот культ, которому он следует, и никакого другого; наконец, когда суды будут карать с полной строгостью всех бунтовщиков и притеснителей, к какой бы партии они ни принадлежали. И если некоторые члены Национального Собрания еще заявляют, что французский народ в целом не созрел для этого учения, то им надлежит ответить: может быть, это и так, но тогда ваше дело воспитать нас своим поведением, своими речами, своими законами.

"Словом, священники не нарушают спокойствия в том государстве, которое не занимается их делами; и они всегда создают беспорядки там, где имеют какое-либо отношение к государству, какого бы рода эти отношения ни были".

Андрэ Шенье [http://vive-liberta.narod.ru/biblio/tyrs.htm#an_chen] принадлежал к числу умеренных, философски мыслящих патриотов в роде Талейрана, Сийеса и тех членов правления департамента Парижа, которые с 11 апреля 1791 года пытались установить свободу культов и уже с тех пор казались почти на высоте идеи светского государства. Но и среди более крайних патриотов некоторые уже тогда, в начале деятельности Законодательного Собрания, стали понимать, какая ошибка была допущена тем, что усилили связь церкви с государством путем введения Гражданского положения о духовенстве. Через несколько дней после статьи Андрэ Шенье в "Les Revolutions de Paris", влиятельном органе демократической и полу-республиканской мысли, появилась статья по религиозному вопросу, прямо заявлявшая, что государство ошиблось, установив жалование священникам. Хотя этот анти-роялистский орган старался возложить лично на Людовика XVI ответственность за серьезные беспорядки, вызванные католиками, он в то же время усматривал причину этих беспорядков в народном невежестве и народных страстях и предлагал обратиться к населению с воззванием, внушающим ему уважение к свободе совести и дающим ему философские наставления. Газета не требовала немедленного отделения церкви от государства, считая, что общественное мнение еще для этого не созрело, но она предлагала ряд подготовительных мер.

Итак, в конце 1791 года в прессе наблюдаются выступления в пользу отделения церкви от государства; они исходят от нескольких просвещенных граждан и не связаны с аналогичным движением, я не скажу, даже среди рабочих и крестьян, которые настроены еще весьма фанатично, но и среди буржуазии.

III

Вопрос о свободе культов был поставлен в Законодательном Собрании уже 7 октября 1791 г. по инициативе Кутона [<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#ctn>], который требовал, однако, не организации свободы, а мер против папистов. "Мы посланы сюда - заявил он, - чтобы восстановить спокойствие в стране; но мы этого никогда не достигнем, если не примем самых решительных мер против некоторых священников (редкие аплодисменты). В некоторых селах смененные священники остаются в своих прежних приходах; они вредят самым своим присутствием (ропот). Это - вопрос серьезный; в некоторых местах на конституционных священников производились нападения, днем с палками, ночью с ружьями. Непокорные священники продолжают отправлять свои функции. Они служат мессу, причащают, святят воду у себя на дому (смех). Трудно добыть против них улики. Единственные свидетели - их сторонники. Я приведу вам вполне достоверный случай. Конституционный священник вошел в помещение, где неприсягнувший священник служил мессу; последний прервал службу, снял с себя облачение и покинул помещение с криком: "эта церковь осквернена". Я настойчиво призываю серьезно подумать о принятии мер, которых требуют обстоятельства". Напрасно депутат Рамон (Rarnond) требовал, чтобы предварительно был поставлен вопрос о значении названия "священник". Депутат Лекиньо (Lequimo) настаивал на принятии необходимых мер и жаловался, что "в его дистрикте до сих пор заменен лишь один приходский священник" и что "в одном приходе, где всегда приходилось крестить до двадцати детей в неделю, теперь крестится у приходского священника только три". Далекий от мысли создавать светское государство, Лекиньо, который будет одним из первых и самых ярых разрушителей христианства, требовал вмешательства государства во избежание гибели или извращения католической религии.

Отложенные на две недели, прения по религиозному вопросу возобновились 21 октября 1791 года. Умеренный депутат Бер (Baert) произнес речь в духе светских идей. Но как в Собрании, так и в прессе, не одни лишь умеренные высказываются за отделение церкви от государства. Представитель крайней левой, жирондист³⁰ Дюко (Ducos) первый

³⁰ В Законодательном Собрании жирондисты еще составляют левое крыло. Лишь в Конвенте они очутились справа, а крайнюю левую составили монтаньяры. - *Прим.пер.*

формулировал этот принцип с трибуны Национального Собрания: "Перед нами - сказал он - стоит следующая задача: установив свободу для всех культов, мы должны воспрепятствовать тому, чтобы один из них сделался составной частью нашего социального строя. И вполне очевидно, что включение одного культа в государственную конституцию явилось бы величайшей несправедливостью в отношении всех прочих". И придавая своей мысли еще большую точность, говоря почти современным языком, он заявил: "Отделите от вопросов государственных все вопросы религии; сравняйте в своих законах религиозные мнения с прочими; сравняйте религиозные собрания со всеми другими собраниями граждан; пусть все секты (?) свободно выбирают своих епископов и имамов, своих пасторов и раввинов, как "народные общества" (*societes populaires*)³¹ избирают из своей среды президентов и секретарей; пусть закон имеет всегда в виду только гражданина, а не последователя той или другой религии; наконец, пусть гражданская и политическая жизнь станет совершенно независимой от религиозных отношений".

Но самый проект закона, предложенный Дюко, заключал лишь частичное, робкое применение принципа, изложенного им в его речи; в сущности он предлагал, чтобы Гражданское положение применялось лишь в общинах, муниципальные власти которых этого пожелают.

Тотчас же, в том же заседании, проявилась и другая тенденция, антилиберальная. Жан-Франсуа Дюваль (Duval), депутат округа Ламанш, предложил ввести гражданское обязательство, которое должны были подписать все священники; не подписавшие обязательства должны были носить на одежде, на груди слева, надпись: "Священник, подозреваемый в мятеже".

29 октября Рамон высказал пожелание, чтобы все культы содержались на средства государства. 3 ноября, Жансоннэ (Jen сонне) предложил внести изменения в Гражданское положение в духе частичного отделения церкви от государства.

Все эти проекты были отосланы в законодательную комиссию, которая представила 14 ноября свой проект; но Национальное Собрание отвергло его, указав, что он составлен на скорую руку. Второй доклад, представленный комиссией 16-го, имел успех.

Идея отделения церкви, лаицизации государства получила выражение в статье четырнадцатой, предлагавшей заменить заголовок "Гражданское положение о духовенстве" другим - "Законы, касающиеся гражданских отношений и порядка внешней организации католического культа во Франции", а также не обозначать впредь священников "должностными лицами государства", а "служителями католического культа, оплачиваемыми народом".

Эта статья, обсуждавшаяся в заседании 21 ноября, была исключена по предложению аббата Ламуретт (Lamourette) [<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#lamrt>], который усматривал в ней "первый зародыш великих перемен для грядущих эпох", "утверждение деизма во Франции", и считал "противным природе разрыв, который желали внести между Евангелием и Конституцией". Но, несмотря на такое голосование, Законодательное Собрание далеко не было единодушно в восхвалении политики единения государства с церковью. Так, 25 ноября, один из депутатов предложил разрешить нон-конформистам отправление их культа в частных церквях под единственным условием принесения гражданской присяги их священниками; тот же Ламуретт возражал, что предоставить свободу значило признать, что есть два культа, вместо одного, и санкционировать раскол; и те самые возражения, которые делал Трейляр и которым аплодировало Учредительное Собрание, вызвали теперь ропот протеста. Гюадэ (Guadet) противопоставил этим воззрениям светское учение о свободе совести, не вызвав никаких возражений со стороны большинства, и даже воскликнул: "Богословие забудется, разум же вечен".

Светская доктрина не восторжествовала в декрете, принятом 29 ноября 1791 г., в результате изложенных прений; но декрет этот все-же облегчил в одном отношении отправление культа папистами, отменив специальную присягу, в которую нон-конформисты старались внести столько двусмысленности. Законодательное Собрание

³¹ Местные народные организации, политические ячейки, "клубы" вскоре превратившиеся в местные филиалы Якобинского клуба. - Прим.пер.

ограничилось требованием от священников гражданской присяги, установленной конституцией для всех должностных лиц, заявляя, что таким образом будет видно, кто действительно замышляет заговор против отечества. Оно постановило далее, что представители духовенства, не принесшие присяги, будут лишены пенсии и содержания, что они "будут взяты под подозрение в возмущении против закона и злоумышлении против родины", что в случае беспорядков они, по постановлению правления департамента, на основании отзыва правления дистрикта, могут "быть временно удалены из места их постоянного жительства"; наконец, что в каждом департаменте правление должно будет составить список неприсягнувших священников. Тот же декрет устанавливал два года тюремного заключения для представителей духовенства за возбуждение к неподчинению законам и властям. Здесь, таким образом, отменялись два постановления декрета 7 мая 1791 г.: отныне приходские церкви могли служить только для отправления официального культа, а в остальные церкви могли допускаться лишь священники, принесшие гражданскую присягу.

Таким образом, принципы свободы, провозглашенные жирондистами в прениях, не оказали никакого влияния на редакцию декрета, в котором видели лишь меру защиты и борьбы против папистов.

5 декабря 1791 года члены правления департамента Парижа подписали, правда, персонально, адрес королю с просьбой применить свое право вето (veto). Народ, заявляли они, не вправе лишить неприсягнувших священников их пенсии, так как эти пенсии - "народный долг". Их берут под подозрение в мятеже, но закон не имеет права презумировать преступление. Ведь при Людовике XIV так же точно были взяты под подозрение протестанты, не желавшие подчиниться господствующей религии.

Король последовал этим советам и отказался санкционировать декрет от 29 ноября 1791 года.

IV

Отказ короля в высшей степени взволновал патриотов, и, как на самое яркое выражение этого возбуждения, можно указать на петицию парижской секции "французского театра" (section du Theatre-Francais), составленную Камилль Демуленом [<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#cdem>], и на циркулярное отношение клуба якобинцев к провинциальным обществам, составленное Робеспьером.³² Тщетно искать в них следы светских идей, недавно высказанных ораторами с трибуны Законодательного Собрания: Камилль Демулен и Робеспьер имеют, повидимому, одно желание - силой прекратить раскол и восстановить единство государственной религии, лишив нон-конформистов свободы. Вслед за этим наступил период анархии.

В одних департаментах применялся декрет 29 ноября 1791 г. так, как если бы он получил санкцию и являлся законом; в других применялся закон 7 мая 1791 г., точно Законодательное Собрание не отменило его частично.

Документы, приведенные в книге Созэ (Sauzay. Histoire de la persecution revolutionnaire dans le Doubs), сообщает, что, например, в Безансоне, в начале 1792 г. многие неприсягнувшие священники служили мессу в приходских церквях, не встречая противодействия со стороны конституционных священников. Между тем в департаменте Дуб (Doubs) нон-конформисты отнюдь не пользовались конституционной свободой. Об этом свидетельствуют события в общине Бретинье (Bretigney). 24 марта 1792 г. собравшееся население приняло постановление, подписанное всеми грамотными гражданами общины, всего 51 человек; основываясь на статье 10-й декларации прав, на декрете 7 мая 1791 г. и на том факте, что ими в предыдущем году была восстановлена их церковь, они заявляли:

"Считая, что общая воля всех граждан, твердая и непоколебимая, - жить и умереть в лоне римской апостольской католической церкви, которая одна обладает истиной и ведет к спасению; страшась всякого изменения в этой божественной вере, не получившего одобрения церкви, - мы единодушно постановили и заявляем, что

³² Циркуляр настойчиво подчеркивает что "речь идет не о религиозной распре, а о самой Революции, которой угрожает вражеская партия" См. Auldrd. Societe des jakobins, 111, 279-284. - Прим.пер.

желаем в точности следовать вере наших отцов, которой неизменно следовали священники и верующие, которым совесть не позволяла признать новых священников и пастырей, и хотим выбрать для отправления нашего культа того священника, которого сочтем достойным. И потому мы уполномочили, с их согласия, Габриэля Кашо и П.Кл.Шайлье (Chaillet) передать правлению департамента и дистрикта настоящее постановление и поставить их в известность о нашем намерении открыто объявить себя католиками-нон-конформистами, уверив их вместе с тем в нашей преданности отечеству, подчинении законам, уважении к установленным властям и горячей любви к миру".

Правление дистриктом выразило свое порицание и аннулировало это постановление. Оно также и в то же время ответило отказом на аналогичное заявление сельских прихожан села Мон-де-Виллер (Mont-de-Villers), мотивируя это тем, что приходские церкви должны служить лишь культу, оплачиваемому народом. Оно применяло, таким образом, декрет 29 ноября 1791 г. и считало закон 7 мая утратившим силу.

До сих пор речь шла о тех селах, где все католическое население следовало нон-конформистскому культу и где ему было в этой свободе отказано. Последнее тем более имело место там, где они составляли меньшинство. Так, в Обонне (Aubonne), в дистрикте Понтарлье (Pontarlier), человек сорок домохозяев заявили о своем желании отправлять нон-конформистский культ в частной часовне г-на Мартье из Обонны, бывшего президента парламента³³; они просили муниципальные власти указать надпись для их церкви и уполномочили г.Мартье представлять их интересы. 16 января конституционный приходский священник Барбье сообщил в дистрикт о фанатизме нон-конформистов, пытавшихся, согласно его заявления, убить каких-то "патриотов" Обонна. 21 января группа Мартье передала свое постановление в правление дистрикта, которое препроводило его на разрешение департамента, пространно изложив свои соображения: "Предприятие Мартье (писало оно) принадлежит группе заговорщиков, которой он руководит; их цель не религия, а контр-революция, которую они замышляют в тиши во имя Божие... В случае скорого наступления войны, публичное отправление нон-конформистского культа весьма опасно, и нельзя не бояться, что диссиденты станут собираться под предлогом церковной службы для обсуждения контр-революционных действий"... Как же с декретом 7 мая 1791 г.? "Он применим в Париже. В Париже нон-конформисты не так опасны, как в маленьком местечке или в деревне". 24 января правление департамента отказало в утверждении на том основании, что авторы петиции не указали, какой порядок установления рождений, браков и погребения они намерены принять. Тогда г.Мартье 8-го февраля поставил дистрикт в известность, что нон-конформисты Обонны намерены обращаться для этого к конституционному священнику прихода; в то же время он отправил доклад королю, на что со стороны министра внутренних дел Кайе-де-Жервиля (Cahier de Gerville) последовало письмо на имя правления департамента Дуб от 25 февраля 1792 г. с указанием, что заявление нон-конформистов дает основание пересмотреть вопрос. Отношение заканчивалось припиской: "Поверьте, господа, что вы создадите много друзей конституции, предоставив каждому служить Богу на свой лад, и тем отнимете оружие у тех, которые пользуются религией, чтобы прикрыть и замаскировать свои мирские вожделения". Правление департамента поступило иначе; оно запросило дистрикт, запросило депутатов департамента Дуб, вообще всячески затягивало дело. 24 марта 1792 г. Ролан (Roland), сменивший Кайе-де-Жервиля в должности министра внутренних дел, сделал выговор правлению и властно призвал его к соблюдению закона. Правление, снова прождав с ответом до 4-го мая, ответило отказом повиноваться. Оно заявляло, что остается при своем постановлении от 24-го января и не дает г. Мартье разрешения открыть свою часовню для публики - он может пользоваться ею только для нужд своей собственной

³³ Парламент старой Франции был высшим судебным органом, он имел лишь отчасти верховно-административные и законодательные функции, последние сосредоточивались, главным образом, в Парижском парламенте. - *Прим.пер.*

семьи. "Наш департамент - заявляло оно - расположен на границе; поэтому необходимо сохранять здесь всеми средствами мир и спокойствие". Таким образом, отправление нон-конформистского культа не получило разрешения в Обонне.

И в то же время окружные суды того же департамента Дуб оправдывали неприсягнувших священников, привлекавшихся к ответственности за отправление своего культа.

Расхождение между административными органами придало смелости католикам Дуба, и они попытались организовать. В конце февраля 1792 г. мэр Фланжбуша (Flangebouché) Годильо (Godillot) выработал "союзное соглашение" (pacte d'union) между всеми католиками для совместной защиты против "диких" ("funeux"). В сопровождении миссионера, одетого в штатское платье, он обошел ряд селений, собирая подписи. Национальная гвардия задержала его 1-го марта в Шаркемон (Charquemont) по обвинению в агитации в пользу эмигрантов. Его затея потерпела крушение.

В заключение, правление департамента постановило 2-го апреля, что все "мятежные клирики" должны быть препровождены в главный город департамента.

Мы не имеем для прочих департаментов таких точных и подробных сведений, как для департамента Дуб; но из одного министерского доклада Ролана мы узнаем, что 42 департамента применяли декрет 29 ноября 1791 г. так, как если бы король его санкционировал, и удалили всех неприсягнувших священников за пределы их прежних приходов. Итак, можно сказать, что в конце 1791 г. и в начале 1792 г. в большей части Франции не существовало свободы культов для католиков-папистов.

V

Между тем правительство продолжало настаивать на применении законов, дозволявших свободу культов.

10 января 1792 года министр юстиции Дюпон-дю-Тертр (Dupont du Tertre) разослал циркулярное отношение во все суды, разъясняя, что, наложив вето на декрет 29 ноября 1791 года, король хотел оградить свободу совести. "Закон не делает разницы между евреем и христианином, между протестантом и католиком, между конформистом и диссидентом. Он судит не личности, не мнения, а поступки". Впервые был провозглашен чисто светский характер закона, и, как это ни странно, заявление исходило от министра Людовика XVI. Впрочем, он тут же признавал, что происходившие беспорядки "создавались интригами честолюбивых и фанатичных священников", и предлагал судам применять в отношении их меры строгости.

5-го апреля Ролан, временно исполнявший должность министра юстиции, разослал судам аналогичный и столь же либеральный циркуляр. Затем, с усилением беспорядков, он представил 23 апреля доклад Законодательному Собранию, указав (как уже упоминалось), что 42 департамента приняли постановление о принудительном выселении из их бывших приходов неприсягнувших священников, и требовал, чтобы были приняты меры против столь революционных действий.

Рассмотрев этот вопрос, "Комиссия двенадцати" представила 24 апреля свой доклад, прочитанный Франсэ (Franais de Nantes), вызвавший многочисленные аплодисменты; в докладе заявлялось, что война с католиками - нон-конформистами вопрос жизни и смерти для революции. "Мы находимся в таком положении, что государство должно раздавить эту мятежную партию, иначе оно будет раздавлено ею. Когда французы в дружном единении установили новые законы в 1789 и 1790 годах, нынешние священники-диссиденты отказались им следовать, их признавать; общество тем самым получило право не признавать тех, кто не признает его, и изгнать их из своей среды. Они заявляют о своей религии, о своей совести! Но что же сказать о религии, враждебной обществу по своей природе, мятежной по своим принципам?"

5 мая Франсэ внес в Законодательное Собрание проект закона, к обсуждению которого приступили 16-го.

В этом же заседании (16-го) Верньо (Vergniaud) произнес речь всецело в духе господствовавших политических страстей и требовал, чтобы неприсягнувшие священники были отправлены в пожизненное изгнание.

Но один аббат, к тому же бывший аристократ, депутат Парижа, г.де-Муа (de Moy), конституционный священник приходской церкви Сен-Лоран (Saint - Laurent, св. Лаврентия), выступил в защиту упразднения Гражданского положения о церкви и фактического отделения церкви от государства. Это был священник - философ, даже больше, того, - "свободный мыслитель". Еще в январе месяце им была опубликована брошюра против Гражданского положения о церкви, названного им "чудовищной нелепостью в величественном кодексе наших законов". Он развивал цельный план отделения церкви от государства, с единственной "национальной религией", гражданской религией-любовью к отечеству. Речь, произнесенная им 16 мая 1792 г., целиком относится к нашей теме, и потому приводим ее полностью, согласно самого полного отчета, напечатанного в "Journal logographique"³³, издававшемся Легодэ (Le Hodey).

Г. де-Муа. "Из всех корпораций самая опасная для государства, это - духовенство. Народ это осознал и потому разбил древнего колосса, давившего государство. Но из обломков старого идола вырастает, мы видим, новая статуя, которая заявляет сегодня, что она опирается на конституцию, потому что ею найдено магическое слово, и она заставила воссоздать себя, назвавшись конституционным духовенством. И нетрудно доказать, что в основе конституционной церкви лежит кодекс постановлений, который тем более необходимо отделить от наших законов, что статьи его в большинстве своем стоят в прямом противоречии с самой конституцией (аплодисменты).

"Действительно, конституция утверждает свободу культов; так называемое Гражданское положение устанавливает господствующий культ в государстве. Конституция ясно и определенно гарантирует всем гражданам право свободного выбора своих священнослужителей, а Гражданское положение о церкви отнимает это право у граждан, исповедующих католический (нон-конформистский) культ. Словом, все так называемое Гражданское положение о церкви образует главу чужеродных, вернее, прямо неконституционных законов, включенных, непонятно как и почему, в наш свод законов. Противоречие между подобными административными законами и конституцией ставит в странное и трудное положение должностных лиц и все установленные власти: по службе, по присяге они должны соблюдать конституцию и все законы, принятые Национальным Собранием и санкционированные королем, - и вот иногда в своих требованиях и предписаниях они оказываются вынужденными изменять или конституции или законам.

"Я однажды упрекнул чиновника, высказавшегося в духе нетерпимости, на что он мне ответил: "Существует одна церковь, установленная законом. Я же должен охранять и поддерживать все, установленное законом; значит, я должен всемерно поддерживать и охранять конституционную церковь. Церковь же перестает существовать при отсутствии прихожан, если ее покинет ее паства; значит, я должен силою принуждать граждан присоединяться к конституционной церкви и карать покидающих ее для другой церкви". - "Да это - заявил я - точное повторение старого принципа *compelle intrare*" (вводи силой). - Тогда он ответил: "Вы правы, но я в этом неповинен. Таков закон". - "Но разве не следует скорее подчиняться конституции, чем административным законам?" - Тут он мне возразил: "Вы не знаете всего» вы не знаете церковного духа! Эти люди ужасны, когда они могут вооружиться законом. Они обвинили бы меня в неисполнении моих служебных обязанностей,

³³ Название "Journal logographique" соответствует слову "Летопись". - Прим.пер.

если бы им только показалось, что я не разделяю их ненависти к тем, кто не разделяет их культа.

"Было время, когда преследовали, как еретиков и раскольников, тех, кто не признавал римско-католической церкви. Теперь не признающий конституционного священника становится подозрительным в измене родине и в преданности аристократам. Так в силу Гражданского положения о церкви своего рода отлучение падает, по крайней мере в отдельных местностях, на тех, кто следует своим убеждениям в вопросах культа, хотя он и пользуется свободой, предоставленной ему конституцией. Вам предлагают, господа, выслать неприсягнувших священников. Если они нарушают общественный порядок, это следует сделать; но все ваши решения останутся полумерами на пути к успокоению и миру, если вы не выбросите, не вырвете из вашего кодекса ту главу, проникнутую идеями клерикализма и теократии, которая попала туда по недоразумению и стоит рядом с конституцией, как желтая медь рядом с чистым золотом (аплодисменты).

"Пусть же римский культ сохранит свои храмы, как все прочие культы! Почему существуют еще привилегии после того, как конституция их отменила? На заре своей христианство не выступало за стены храма, и тогда оно было чище, чем когда-либо. Я спрашиваю, господа, если бы среди нашего народа существовала религиозная корпорация, признающая великого ламу своим главой, то неужели государство занялось бы назначением ее священнослужителей? Неужели бы вы для них разделили Францию, как шахматную доску, на клетки по числу их иерархов, на подклетки по числу их священников?

Г.Ишон (Ychon). - Довольно. Нельзя слушать...

Голос. - Я требую, чтобы оратора выслушали.

Голоса. - Это распинается священник.

Г.Леопольд. - Протестуют специалисты.

Г. де-Миа (продолжает). - И если бы в этой церкви возник раскол по какому-нибудь частному вопросу, то которую из образовавшихся частей объявили бы вы неконституционной? Я думаю, что, если бы их священники пожелали втянуть нацию в целом в свои религиозные распри, она вашими устами принудила бы их к молчанию или удалила бы их из своей среды. Но она в своей мудрости не стала бы требовать от этих священников присяги для того только, чтобы разрешать или утверждать свои заблуждения. Общество может требовать гражданской присяги лишь от иностранцев, ищущих французского гражданства, или от самих граждан при назначении их на государственную должность. Но если председатели каких-либо клубов, каких-либо частных обществ, известных ему, терпимых им в своей среде, не являются тем самым ни должностными лицами, ни даже гражданами, - то они остаются все-же просто частными лицами, имеющими право на защиту нации, поскольку они уважают законы; они подлежат каре и изгнанию из ее среды лишь в случае нарушения ими каким-либо путем ее спокойствия (аплодисменты). На основании изложенного, я имею честь внести следующий проект декрета, предлагая присоединить его к тем, которые вы в своем благоразумии сочтете необходимым принять:

"Национальное Собрание, считая единственным средством прекратить религиозные беспорядки - сохранение для всех культов свободы и равенства, установленных Конституцией, декретирует следующее:

1. Собрания выборщиков в дистриктах и департаментах, избирающие должностных лиц государства, отныне не будут избирать служителей католической церкви.
2. Со дня опубликования настоящего декрета, граждане, исповедующие римскую веру, свободно избирают своих священнослужителей на незамещенные кафедры.
3. Содержание лиц, избранных священнослужителями католической церкви, не включается впредь в число государственных расходов (ропот недовольства; аплодисменты).
4. Ни один гражданин, служителем какого бы культа он ни был, не вправе принять звание конституционного священника, так как отправляемые им функции не имеют отношения к Конституции.
5. Граждане, избравшие или назначившие своего священнослужителя, должны поставить об этом в известность местные муниципальные власти.
6. Всякий, именующий себя священником или служителем какого-либо культа, прежде чем получить право отправления своих функций, должен привести доказательства своего избрания священником или служителем данного культа.
7. Всякий священнослужитель, признанный виновным в произнесении и в проповеди принципов, противных Конституции, подлежит вечному изгнанию из королевства (аплодисменты).
8. Священнослужители, не будучи должностными лицами государства, не будут даже обязаны состоять французскими гражданами, и не должны впредь, в качестве священнослужителей, приносить специальную присягу перед муниципальными властями (аплодисменты)".

Трудно яснее выразить идею светского государства и его отделения от церкви. И любопытно то, что мысль эта впервые высказана во всем объеме и с полной четкостью представителем духовенства.³⁴ Еще важнее отметить, что смелое предложение аббата де-Муа вызвало аплодисменты. По сообщению газеты, когда он сошел с трибуны несколько человек предложили голосовать его проект в первую очередь; другие - опубликовать доклад; наконец, третьи, в том числе Шабо (Chabot) [<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#chabot>], предложили прекратить прения. Дюко, разделявший, как это было уже указано, те же взгляды, одобрил речь и заявил, что если содержание духовенства являлось народным долгом, пока оно считалось на государственной службе, то в отношении выборного духовенства это не имеет места; он также настаивал на опубликовании этой речи, что и было принято, по сообщению "Монитёра", "значительным большинством голосов", несмотря на сильное возмущение присутствовавшего духовенства.

Итак, 13 апреля 1790 года Учредительное Собрание торжественно заявило о своей приверженности католической вере. 16 мая 1792 года Законодательное Собрание почтило апологию светского государства постановлением о ее опубликовании. Это свидетельствует о той перемене во взглядах, какая произошла за два года.

Но для осуществления взглядов аббата де-Муа время еще не наступило. 24 мая депутат Ишон, сам бывший священник частной молельни, решительно выступил против предоставления свободы культа неприсягнувшим священникам, а Гюадэ (Guadet) [<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#gd>] добился принятия статьи об их высылке. Голосование проекта закончилось 26 мая. Вступление излагает с полной ясностью намерения Собрания:

³⁴ Надо сказать, что де-Муа впоследствии выступил из церкви. В IX году (республиканского счисления - 1802 г.) он занимал должность школьного инспектора (censeur des etudes). В 1810 г. он был экстраординарным профессором (professeur suppléant) по кафедре философии в Безансоне.

"Национальное Собрание, заслушав доклад Комитета двенадцати и усматривая, что беспорядки, возбужденные в королевстве неприсягнувшим духовенством, требуют немедленного принятия мер к их прекращению, постановляет о спешности.

"Национальное Собрание, считая, что постоянные усилия неприсягнувшего духовенства уничтожить Конституцию исключают возможность предполагать у них искреннее желание примкнуть к общественному союзу и что дальнейшее признание членами общественного союза лиц, явно добивающихся его разрушения, ставит под угрозу общественное спасение; считая, что законы бессильны против людей, которые, деятельностью своей смущая и соблазняя души, умеют скрывать свои преступные махинации от карающего ока власти, Национальное Собрание постановляет следующее"...

В дальнейшем декрет устанавливал административный порядок расправы с неконформистским духовенством. Неприсягнувший священник подлежит высылке по требованию 20 активных граждан кантона. Департамент применял эту меру на основании соответствующего суждения дистрикта. В случае, если петиция против неприсягнувшего священника не получит утверждения в дистрикте, то правление департамента должно произвести дознание, на основании которого выносит свое постановление. Если несколько граждан донесут о беспорядках, вызванных внешними действиями неприсягнувшего священника, правление департамента, после проверки, постановляет о высылке. Неприсягнувшему вручается заграничный паспорт на въезд в ту страну, которую он укажет; в противном случае он должен быть препровожден жандармами к ближайшей границе. Ему даются средства на дорогу. Если неприсягнувший упорствует в нежелании выехать из Франции или вернется туда после высылки, он карается десятью годами тюремного заключения.

Король отказал в своей санкции, и так как религиозные беспорядки в провинции продолжались, вторичное вето короля явилось серьезным обвинением против него. В известном письме, датированном 10 июня 1792 года, Ролан просил Людовика XVI санкционировать этот "мудрый закон", и в данном случае он выражал мнение значительного большинства патриотов.

Повторилось то же, что происходило после не получившего санкции декрета 29 ноября 1791 года. Правления некоторых департаментов считались с декретом 27 мая 1792 г., как с законом, или, по крайней мере, вдохновлялись им, применяя меры принуждения.

Для примера можно привести постановление департамента Шаранты (Charente), датированное 3-м августа 1792 года.

"Административный совет (Conseil d'administration) департамента Шаранты надеялся, что общественные бедствия объединят все желания, все мнения в стремлении к единой цели общей защиты и общего союза; что не принешие или отказавшиеся от принесенной присяги священники по собственной инициативе решительным изменением своего поведения перестанут вызывать те жалобы, которым они так часто давали основание, или, что они, по крайней мере, на время тяжелой опасности, переживаемой родиной, наденут благовидную маску своей обычной скрытности; что ему не придется применить к ним меры строгости и чрезвычайной охраны, требуемые объявлением государства в опасности.

В настоящее время, после того как самые тяжкие улики, скопившиеся против них, доказали их нынешние дурные намерения и не оставили никакого сомнения в том, что критическое положение родины дало лишь новую пищу их мрачным планам, и что они пытаются самыми гнусными махинациями возбудить гражданскую войну внутри страны в то самое время, когда их союзники ведут нападение на границы и проливается кровь французских граждан.

Желая избавить родину от этого нового несчастья и предупредить те бедствия, какие могут вызвать опасные махинации этих вероломных врагов общества, -

Административный совет, заслушав прокурора департамента (*general procureur syndic*), решил и постановил принять следующие меры охраны общественной безопасности:

1. Все представители духовенства, родившиеся за пределами департамента и не состоящие на государственной службе, обязаны покинуть территорию департамента в восьмидневный срок со дня опубликования настоящего постановления в месте их пребывания.
2. Приходские священники и викарии, отрекшиеся от присяги, установленной законом 26 декабря 1790 г., должны прекратить отправление общественных функций с момента их замещения, озаботиться о котором уже предложено г.епископу, и покинуть свой прежний приход, за исключением тех случаев, когда рождение или владение (недвижимостью) сообщает им право натурализации или когда они проживают вместе с близкими родственниками, не дальше дяди или племянника (т.е. третьей ступени. - Прим. перев.).
3. По заявлению двадцати активных граждан кантона правление департамента, сообразуясь с замечаниями совета общины и суждением административного совета дистрикта, постановит, в случае надобности, чтобы обвиненный священник оставил в восьмидневный, со дня принятия постановления, срок пределы департамента.
4. Советы общин, административный совет дистрикта, генеральный прокурор-синдик (прокурор департамента), прокурор-синдик (прокурор дистрикта), прокуроры общин имеют право составлять подобные заявления против священников, присутствие которых нарушает общественное спокойствие; правление департамента вправе постановлять о высылке их за пределы общины или департамента, пользуясь указаниями и суждениями совета общины и администрации дистрикта в тех случаях, когда заявления исходят не от них, и основываясь на надлежащих данных.
5. Прежде чем покинуть департамент, изгнанные священники должны назвать муниципальным властям их местожительства дистрикт, в который они переезжают: муниципалитет немедленно извещает правление дистрикта; оно, в свою очередь, - правление департамента; последнее немедленно извещает правление того департамента, в который они перебираются на жительство, с тем, чтобы последнее приняло по отношению к ним те меры, которые сочтет нужными.
6. Административный совет дистрикта или совет общины по требованию прокурора-синдика или прокурора общины обязаны под военной охраной вывести за пределы запрещенной территории всякого ' священника, получившего распоряжение о высылке и не исполнившего его в положенный срок.
7. Соответствующие расходы покрываются за счет жалования священника, вызвавшего эти меры, или из добавочных сантимов местного обложения (*sous additionnels*) департамента, если непокорные священники не обладают имуществом, на которое могло бы быть наложено взыскание.
8. Священники - французские подданные, пребывающие в данном департаменте, занимающие общественные должности или получающие от государства пенсии и содержание, чтобы получать пенсию, жалование или содержание, должны предварительно удостоверить, что ими принесена гражданская присяга.

9. Управления дистриктов, муниципалитеты, народная полиция, регулярные войска и национальная гвардия обязаны содействовать исполнению настоящего постановления, каждый сообразно своим функциям.

10. Управлению департамента поручается препроводить копию настоящего постановления Законодательному корпусу и королю.

11. Предписывается чтобы настоящее постановление было внесено в соответствующие книги, отпечатано и по сличении копий с оригиналом, немедленно разослано под наблюдением генерал-прокурора-синдика административным советам дистриктов, а их прокурорами-синдиками в советы общин их округа, где должны быть прочитаны после произнесения проповеди два воскресенья кряду, опубликованы и вывешены всюду, где следует.

Постановляет также, что копия настоящего распоряжения должна быть разослана всем административным советам прочих департаментов королевства.

Ангулем (Angouleme).

Административный совет,

3 августа 1792 г., год IV Свободы (de la Liberte).

Подписи:

Мишель Марво (Marvanv), председатель,

Ж.Дюклюзо, генеральный секретарь.

С подлинным верно: *Альб. Бессун* (Besson)".

VI

Идея отделения церкви совершенно не отразилась в декрете 27 мая 1792 г.; его назначение - борьба с римскими католиками. Но известный успех этих идей сказался к тому же времени в деле процессии в праздник Тела Господня в Париже, в июне 1792 года.

Прежде жители Парижа обязаны были в дни торжественных процессий убирать и украшать коврами фасады своих домов; в 1790 и 1791 гг. муниципалитет возобновил прежние постановления.

1 июня 1792 г. администрация общины, по требованию прокурора общины Манюэля (Manual), постановила, что расходы эти носят "совершенно добровольный характер", и что она не имеет права принуждать к ним граждан и никоим образом не желает стеснять "свободу религиозных убеждений"; национальная гвардия освобождалась от обязанности присутствовать на церемониях культа, наконец, торговцы не были обязаны закрыть свои лавки. 5-го июня Манюэль разослал сорока восьми секциям Парижа циркуляр, комментировавший и дополнявший это постановление: "сказанное относится - значилось в циркуляре - и к свободе передвижения по улицам города: обычное уличное движение может быть воспрещено лишь по случаю национальных празднеств и гражданских церемоний, которые равно касаются всех граждан, независимо от того культа, которому они следуют". Манюэль заявляет, что близко время, когда религиозные секты, замкнутые в стенах своих храмов, перестанут загромождать своими религиозными церемониями общественные дороги; просвещение и здравая философская мысль осуществят этот прогресс.

Мера эта не была одобрена всеми патриотами: одним она показалась нечестивой, другие нашли ее преждевременной и неразумной. Правлению департамента были поданы петиции против постановления администрации общины, часть национальной гвардии заявила протест. Но были также выражения горячего одобрения; так, Бриссо (Brissot) [<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#brst>] в своей газете *Patriote francais* 4-го июня заявлял о том, что это постановление "проникнуто философским духом". Правление департамента утвердило постановление, и генерал-прокурор-синдик Рёдерер (Roederer) [<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#red>] написал 6 июня открытое письмо Манюэлю с просьбой усилить охрану для поддержания порядка, в котором он следующим образом опровергал возражения оппозиции: "Мне говорили, что мы еще не созрели для этих истин; я же ответил, что эти истины положены в основу нашей конституции, что мы

достаточно зрелы для них, раз мы их создали и присягнули им, и что мы будем их защищать. Мне говорили еще, что общественное спокойствие будет нарушено; но совершенно очевидно, что принуждение граждан украшать свои дома для какой-нибудь процессии явилось бы посягательством на общественную свободу. Что же лучше: защитить свободу от нарушителей порядка, или защитить этих нарушителей порядка в ущерб свободе?!"

Камилль Демулэн (Camille Desmouhns) усмотрел во всем этом опасную смелость: "Я боюсь - писал он в газете *La Tribune des patnotes*, - 4ТО член якобинского клуба Манюэль допустил большую ошибку, вызвав означенные меры против процессии в праздник Тела Господня. Друг Манюэль, короли уже отжили, но Господь Бог - еще нет. Будь я членом муниципального комитета, я воспротивился бы принятию этих мер с энергией церковного старосты. Зато наше правление департамента, состоящее из фёльянов (*feuillants*)³⁵ не замедлило на этот раз утвердить постановление муниципалитета".

В вечернем заседании 5 июня 1792 г. Законодательное Собрание получило от приходского священника церкви Сен-Жермэн-л-Оксеруа (*Saint-Germain-l'Auxerrois*) приглашение принять участие в процессии 7 июня. В свое время Учредительное Собрание, в 1790 и 1791 годах, приняло подобные приглашения и участвовало в процессии официально и в полном составе. Законодательное Собрание колебалось и сперва приняло приглашение; но затем оно отменило свое постановление и только решило не заседать 9 этот день, чтобы дать возможность своим членам участвовать в процессии в качестве частных лиц. В сущности Законодательное Собрание поступило так, как будто бы не было государственной религии и государство было светским. Представляя отчет об этом заседании, *Patriote Francais* писал 8-го июня: "Религия законодателя - культ человечества; хорошие законы - его добрые дела; счастливая родина - его рай; в спасении государства - его спасение".

Процессии праздника Тела Господня, дозволенные только конституционным католикам, не обошлись без беспорядков.

Многие части национальной гвардии участвовали в процессии в полном составе, несмотря на постановление муниципалитета. Вечером Манюэль заявил в. Якобинском клубе о дерзости приходского священника церкви Сен-Северэн (*Saint-Severin*), приславшего ему извещение, что его процессия имеет охрану из пятидесяти гренадеров и иронически приглашавшего его "прийти и рассеять ее".

Не взирая на дождь и слякоть, празднеству была придана большая пышность. Дома были намеренно разукрашены даже с большим старанием, чем обыкновенно. Тем не менее отдельные здания не были убраны; национальная гвардия, сопровождавшая процессию, разбивала в таких домах стекла, избивала и задерживала их обитателей. Некоторые граждане, не снявшие шляпы при встрече с процессией, хотя и обнажившие головы, когда проносились святые дары, были задержаны, посажены на гауптвахту и лишь с большим трудом освобождены друзьями.

Король распорядился поставить перед Лувром свой алтарь³⁶, "убрать тканями и коврами Лувр", но воздержался от появления в своем приходе.

Непокорное духовенство держалось смирно. Произошел один только инцидент в церкви иностранных миссий. Настоятель общины воспретил вход в часовню процессии, руководимой конституционным священником церкви Сен-Сюльпис (*Saint Sulpice*), несмотря на дождь; толпа ворвалась в помещение миссий, и здесь произошли эксцессы.

Мнение большинства парижского населения было в такой мере неопределенно, что муниципальный корпус счел нужным вывесить 9-го июня обращение к населению, подписанное, мэром Петионом [<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#ptn>], в котором он оправдывал свое поведение и преподносил народу ряд философских наставлений. "Человек свободен в своих мыслях и убеждениях. Принуждать его к поступкам, противоречащим его верованиям и чувствам, - возмутительная тирания. Действия муниципалитета естественно вытекают из этого чистого и неоспоримого принципа. Он не велел гражданам убирать стены домов и не запретил этого; он сказал им: "Пусть каждый

³⁵ Партия умеренных конституционалистов, "Друзей конституции", как они себя называли, отколовшаяся от Якобинского клуба. - *Прим.пер.*

³⁶ *Reposoir* - алтарь, который ставится на улице во время религиозных процессий. - *Прим.пер.*

поступит по совести своей, как считает нужным". Что же касается тех оснований, которые побудили его воспретить национальной гвардии сопровождать процессию в качестве охраны, муниципалитет, забывая на этот раз, что католическая вера была еще государственной религией, заявил, что в противном случае он должен был бы предоставить военную охрану также прочим культам.

В этот самый день, 9 июня 1791 г., орган Гебера Pere Duchesne в лирических тонах восхвалял постановление муниципалитета и высмеивал "старых ханжей" и "нескольких святош", нападавших на него: "Они говорят: Зачем мешают украшать дома? Это делалось всегда. - Ну да, дурачье! Потому и нужно это прекратить, что всегда так делалось. Да, впрочем, декрет и не запрещает убирать свои дома; он только разрешает каждому поступать по своему желанию; но, чорт возьми, меня же не заставят, будь я протестантом, кальвинистом, евреем или магометанином, украшать мой дом, чтобы придать великолепие празднеству той религии, в которую я не верю".

Фактически, в связи с делом парижских процессий по случаю праздника Тела Господня, "патриоты" разделились на две группы: одни приняли участие в процессии для того, чтобы поддержать Гражданское положение, созданное Революцией, или просто из благочестия; другие воздержались или даже протестовали во имя свободы мысли, так как начинали уже сознать идею подлинного светского государства.

Во всяком случае постановление муниципалитета, объявившего факультативным участие в процессиях, означает несомненный прогресс, новый этап на пути освобождения совести, если только можно так выразиться.

Надо впрочем сказать, что принцип свободы совести, весьма непопулярный до того времени, популяризировался весьма медленно. Народ, люди обыденной мысли, пылкие журналисты типа Камилля Демулэна растерялись при виде едления в этом вопросе между якобинским муниципалитетом и правлением департамента, состоявшим из умеренных, из фельянов.

В общем положение создавалось неустойчивое, двусмысленное. Но мы видим, что постепенно на закате конституционной монархии создается все же партия с определенным устремлением к проведению светских начал.

VII

10 августа 1792 года (день отрешения короля) Законодательное Собрание постановило, что все декреты, не получившие королевской санкции, подлежат исполнению. Таким образом, декрет 27 мая 1792 года получил силу закона и стал применяться.

26 августа был издан новый декрет против нон-конформистского духовенства, более тяжкий, чем предыдущий. Отныне все неприсягнувшие священники теряли свободу; они должны были покинуть Францию в пятнадцатидневный срок под угрозой высылки в Гвиану. То же касалось неприсягнувших священников, которым просто не пришлось присягать, если против них поступят заявления со стороны граждан. Исключение допускалось для калек и для шестидесятилетних старцев, которых должны были поселить в общем помещении. Требуемая присяга носила чисто гражданский характер (так было и по декрету 29 ноября 1791 г.) и говорила - после изменений, внесенных в нее 15-го августа, - только о верности свободе и равенству.

Так как весьма немногие нон-конформистские священники принесли присягу, то можно сказать, что в момент роспуска Законодательного Собрания, если светские начала и принципы свободы совести и достигли известного развития, то с другой стороны свобода культов фактически не существовала для католиков-папистов.

ГЛАВА III. ИЗЪЯТИЕ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ ИЗ ВЕДЕНИЯ ЦЕРКВИ

Говоря о религиозной политике Учредительного и Законодательного Собраний, я умышленно не касался истории изъятия актов гражданского состояния из ведения церкви. Последнее имеет огромное значение для занимающего нас вопроса и для большей ясности требует самостоятельного рассмотрения.

Вступление к эдикту 1787 г. о лицах, не исповедующих католической веры, объясняет происхождение того факта, что регистрация актов гражданского состояния была до того времени предоставлена исключительно служителям католического культа: "Ордонансы как бы предполагают, что в нашем государстве существуют только католики; на этой фикции, ныне уже невозможной, основано молчание закона, который, признав существование во Франции последователей другой веры, должен был бы изгнать их из французских владений или немедленно принять меры к легализации их гражданского положения".

Отказываясь от этой фикции, король своим эдиктом признавал существование во Франции протестантов, не католиков, и действительно желал легализовать их гражданское состояние. Они будут вступать в законный и нерасторжимый брак "именем закона", и для них, таким образом, устанавливается форма брака по типу гражданского договора. Они получают также возможность устанавливать факт рождения и смерти. Для регистрации этих актов они могут обращаться к приходскому священнику или к викарию. Если они этого не пожелают или же встретят отказ со стороны священника или его викария, то они должны обратиться к местному судье, т.е. к ближайшему чиновнику королевской или сенъериальной юстиции по месту их жительства. Для этого регистратор главного суда в городах, местечках и селах ведет двойную регистрацию.

Таким образом, во Франции с 1787 г. существовал для некоторых французов светский порядок регистрации актов гражданского состояния и существовали светские чиновники для ведения этих актов.

В 1789 году нет идейного движения за применение этого порядка ко всем французам. По замечанию Шампиона, в Наказах раздаются жалобы на небрежное ведение духовенством регистрации крещений, смерти и браков, но не высказывается требование отнять у них эти функции.

Вопрос этот возник уже позже следующим образом.

Католическая церковь преумножила затруднения для вступления в брак, чтобы заставляя хорошо платить себе за доставление необходимых разрешений, последнее являлось одним из источников папских доходов.

Декрет, принятый после заседания 4-го августа 1789 г., об уничтожении феодального строя воспрещал в статье 12-й дальнейшую отставку каких-либо сборов римской курии. Прихожане должны были обращаться к епископам своей епархии, а последние должны были давать разрешения безвозмездно.

Церковь не желала подчиниться этому декрету. Она стала отказывать в разрешениях и тем препятствовала зачастую заключению браков. Раздались жалобы, и явилась необходимость подумать об издании закона, создающего внецерковный порядок заключения брака.

Дело артиста Тальма ясно показала всю необходимость такого закона.

Следующее письмо было послано им Учредительному Собранию; его огласили в заседании 12-го июля 1790 года:

"Я взываю к содействию конституционного закона, я требую защиты моих гражданских прав, которых закон меня не лишил, раз им не дается право на исключение из числа граждан лиц, избравших артистическую карьеру. Я избрал себе подругу, с которой хочу соединиться брачными узами; мой отец дал свое согласие. Я явился к священнику церкви Сен-Сюльпис для церковного оглашения. Получив отказ, я послал ему требование внесудебным порядком; он ответил, что считал долгом благоразумия запросить свое начальство и что ему было указано на канонические законы, которым он должен подчиняться и которые запрещают совершать обряд бракосочетания над артистом, если он не отречется от своей профессии...

"Я благоговейно склоняюсь пред образом Божиим, я исповедую римскую, апостольскую, католическую веру! Неужели эта религия вынуждает распущенность нравов? Я, конечно, мог бы отречься от своей профессии и завтра же к ней вернуться. Но я не желаю явиться недостойным своей религии, которую другие превратили в

орудие против меня, - недостойным благоденствий Конституции, признав, что декреты ваши ошибочны и что ваши законы бессильны. Я вверяю себя вашему правосудию".

После коротких прений, письмо было отослано в Комиссию по церковным делам, которая с докладом своим не спешила.

Тальма устал ждать; он нашел более сговорчивого священника и женился 19 апреля 1791 г. в церкви Нотр-Дам-де-Лопет (Notre-Dame-de-Lorette).

Между тем Комиссия по церковным делам занялась вопросом и о церковном разрешении. В декабре 1790 года Дюран-Майльян (Durand-Maillane) представил доклад, в котором предлагал упразднить церковные разрешения, сократить число ограничительных условий, превратить брак в гражданский договор светского характера, поручить муниципальным властям регистрацию актов гражданского состояния (рождения, смерть, браки) и положить в мэрии (городской ратуше) книги записи этих актов.

В другом докладе (оба доклада не имеют точной датировки) Дюран заявлял, что нет надобности обсуждать дело Тальма, раз предстоит введение в общей форме гражданского брака.

31 декабря 1790 г. доклад Дюран-Майльяна о "гражданском состоянии" стоял на повестке дня. Несмотря на заявления аббата Гутт (Gouttes) о срочности вопроса, в виду того что многие семьи вынуждены жить в конкубинате, Петион и Буш настояли на том, чтобы вопрос был отложен, как весьма щекотливый и опасный.

II

И надо сказать, что Учредительное Собрание противилось так этой реформе потому, что на ней настаивали католики нон-конформисты.

Действительно, весьма любопытно, что ту реформу, идею которой обычно приписывают людям левых убеждений, на этот раз требовала крайняя правая, а левые ее отвергали.

Случилось же это по следующей причине.

После проведения в жизнь Гражданского положения о церкви книги записи рождений, смерти и браков перешли по закону всецело к конституционным священникам.

Тогда многие неприсягнувшие священники воспретили своей пастве обращаться к этим "самозванным" приходским священникам для совершения этих актов. Один из них, г. де-ла-Люзерн (de-la-Luzerne), неприсягнувший епископ Лангрский, бывший депутат Генеральных Штатов, сложивший свои полномочия, возбудил вопрос о применении к католикам нон-конформистам эдикта 1787 года о не-католиках в той его части, которая вводила светский порядок совершения этих актов.

15 марта 1791 г. он написал "Инструкцию приходским священникам, викариям и прочему духовенству своей епархии, не принесшим присяги, предписанной Национальным Собранием", в которой, указав на создавшееся положение, он заявил, что одобряет проект закона о "гражданском состоянии" комиссии по церковным делам и предлагал впредь до принятия этого проекта следующую линию поведения:

"Мы думаем, что закон, который уже действует в отношении одной специальной группы граждан, дает право всем верным сынам церкви следовать в дальнейшем для этого рода актов соответствующим чисто гражданским и независимым от церковных церемоний формам; я имею в виду ноябрьский эдикт 1787 г. Если, чтобы воспользоваться выгодами этого эдикта, пришлось бы объявить себя не-католиками или допустить занесение такого определения в акты, устанавливающие рождение, брак или смерть, то, конечно, мы первые с возмущением отвергли бы средство, могущее навлечь подозрение или клевету на чистоту веры прихожан нашей епархии. Горе слепому и ложному рвению тех, которые примут название еретиков, неверных, чтобы не быть схизматиками! Но точка зрения, положенная в основу нового закона, охватывает всех диссидентов, и самый термин обозначает совокупность всех граждан, не придерживающихся религии, которая признана государственной. Этот закон не желает, чтобы расхождение в вопросах веры препятствовало пользованию

основными гражданскими правами, чтобы часть французов очутилась перед жестокой альтернативой - лишиться соответствующих прав гражданского состояния или изменять своей совести, прибегая для совершения крещения, бракосочетания и церковного погребения к пастырям чуждой им веры. Но отныне в глазах светской власти католики, отказавшиеся признать новых епископов и приходских священников, поставленных Национальным Собранием, те же диссиденты. Принуждать их обращаться для совершения священнейших религиозных обрядов к священнослужителям, по их убеждению, не призванным к тому, не имеющим на то права, явилось бы насилием над совестью. Они, таким образом, вправе обращаться к гражданским чиновникам, указанным эдиктом 1787 г. для установления брака, рождений, смерти. Функции эти возложены на местных судей, ныне представленных мировыми судьями. Итак, верующие будут обращаться к ним для производства публикаций, для заявления о вступлении в брак и составления брачных свидетельств, для регистрации рождения детей или смерти родственников; самые же таинства крещения и бракосочетания будут совершаться тайно и без огласки истинными пастырями, на которых возлагается также религиозный обряд погребения. Оглашение и разрешение от ограничений родства поручены эдиктом старшему чиновнику байльяжа и сенешальства³⁷, представленному в новой судебной организации председателем окружного суда (tribunal du district); но обращаясь к власти этого должностного лица, поскольку речь идет о гражданских отношениях, они должны будут особо получать церковное разрешение для спасения души. Правила поведения, намеченные выше в связи с проектом комиссии по церковным делам, с ничтожными и легко заметными отклонениями применимы к эдикту 1787 г. и могут служить руководством для пастырей при даче ими советов прихожанам.

"Чем ревностней отстаивает Национальное Собрание свободу религиозных мнений, тем меньше можем мы допустить, что возмутительное исключение коснется именно католиков. Однако, в случае, если бы гражданские власти, на которых возложено выполнение эдикта 1787 г., отказались распространить свою деятельность на наших верных прихожан или пожелали бы включить в акты статьи и выражения, противные католическому вероисповеданию и, следовательно, для них неприемлемые, - мы с нашими сотрудниками обязуемся изыскать и предложить иные согласительные формы, лишь только выявятся намерения судей в этом вопросе".

Инструкция епископа Лангрского наделала много шума и пользовалась большим влиянием. Сорок один епископ руководствовались ею в своих епархиях.

Однако, по имеющимся у нас данным нельзя сказать, чтобы мера, предложенная г. де-ла-Люзерн, получила применение. Неизвестно, чтобы кто-либо из мировых судей принял заявление акта гражданского состояния. Есть все основания полагать, что когда католики нон-конформисты являлись с такого рода заявлениями к судье, он отсылал их к приходскому священнику.

Иные так и поступали. Но другие, наиболее многочисленные, воздерживались от подачи заявлений и совершения соответствующих актов.

Таким образом, множество католиков-папистов очутилось в 1791 г. в положении, аналогичном тому, в каком находились протестанты до 1787 г., т.е. без определенных прав гражданского состояния.

³⁷ Названия судебных округов в дореволюционной Франции.

Если большая часть "патриотов" держала папистов в этом невыносимом положении, то именно потому, что оно было невыносимым. Они видели в этом средство привести их к раскаянию, подготовить и восстановить единство церкви принуждением, тем же *compelle intrare*. В данном случае они сошлись во взглядах с Людовиком XIV.

Поэтому то Учредительное Собрание откладывало обсуждение проектов об изъятии из ведения церкви актов гражданского состояния.

Среди патриотов только умеренные, представители либеральной философской мысли, поддерживали проект. Состоящее из умеренных правление департамента Парижа ввело свободу культов постановлением от 11 апреля 1791 г. и добилось закона 7-го мая. Состоящий из умеренных членов, муниципалитет Парижа представил ходатайство об издании закона о гражданском состоянии, и его петиция была передана Учредительному Собранию мэром Байльи 14 мая 1791 г.

Приводим слова Байльи:

"Администрация города Парижа, - начиная с той, которая была избрана в 1789 году, и до ныне функционирующей, - неизменно первая принимала ваши декреты и давала пример подчинения закону. Явившись ныне сюда, чтобы представить вам определенные пожелания, мы не забыли того, что вами воспрещена подача петиций административными органами. И потому наше пожелание мы приносим вам, как простые граждане, под ним стоят наши подписи, как частных лиц. Хотя декрет, воспрещающий это, не получил еще санкции, мы спешили принять его к исполнению; мы чтим мысль законодателя, общую волю нации, не дожидаясь, чтобы ее облекли в конституционные формы.

"В совместной работе мы обнаружили злоупотребление; в индивидуальном порядке, в качестве обыкновенных граждан, мы пришли к вам просить закона, который предупредил бы грозящую опасность.

"Муниципальному корпусу стало известно из полицейского доклада секции Гренэль, что граждане католики крестят своих детей тайком и в частных домах и не представляют их в приходскую церковь для установления факта их рождения по формам, утвержденным законом. Муниципальному корпусу чужда всякая мысль, всякая мера нетерпимости. Мы знаем, что свобода религиозных мнений освящена статьей 4-й Декларации прав человека, что она составляет существенный элемент индивидуальной свободы и входит в Конституцию королевства; мы знаем, что выражение этих мнений, даже в публичном культе, разрешено одной из статей Декларации прав. Итак, Муниципальный корпус не намерен следить нескромным и любопытным взглядом за религиозными актами, совершающимися в закрытых помещениях, хотя бы это были здания, специально посвященные чужому культу. Покуда общественный порядок не нарушается ни действиями ни речами, нет основания для нашего вмешательства.

"Свобода состоит в праве каждого человека делать то, что не вредит другому, и осуществление человеком его естественных прав не имеет пределов помимо обеспечения за всеми гражданами возможности пользоваться теми же правами. Но если нация должна знать число родившихся граждан, если граждане не должны быть лишены своих прав семейных и гражданских, то нужно скорее положить предел злоупотреблениям, на которые мы вам указываем! Мы считаем своим долгом представить вам мотивы и результаты обсуждения, которому подвергся в муниципальном корпусе этот весьма важный вопрос. Если в своем безумии деспотизм, устами закона объявляя истиной фикцию, шедшую прямо в разрез с действительностью, заставлял, живя рядом с

лютеранами и кальвинистами, верить утверждению Людовика XIV, что все французы католики, - то само собой разумеется, что не встретило никаких затруднений объединение в католическом культе функций общественных и гражданских с функциями религиозными. В то время чуть ли не одни только священники имели право преподавания, они пользовались большим влиянием на распределение фиксированных денежных раздач, они имели тогда исключительное право устанавливать, путем актов, рождение, брак или смерть граждан. Но этот старый порядок вещей, вернее этот беспорядок, изменения которого давно жаждали все разумные граждане, безвозвратно осужден законом, установившим свободу исповедания и выражения религиозных мнений. Нам казалось бы, что для надлежащего изменения этого дурного института, надо было прежде всего тщательно отличать то, что относится к католической религии, то, что относится вообще к религии, от того, что принадлежит по самой природе своей к гражданским законам. Гражданский закон не имеет власти над совестью и религиозными убеждениями, он не может даже делать их предметом допроса; он видит в людях лишь членов государства; он определяет лишь гражданские и политические права и обязанности; его единственная забота - общественный порядок. Напротив, религия интересуется в человеке лишь его отношением к Божеству; она есть вера, внутреннее чувство, знание индивидуума о предметах метафизических, сверхъестественных. Религия и гражданский закон, столь далекие по своим объектам, не могут ни встретиться, ни столкнуться, ни смешаться, и большое благодеяние Конституции - признание разделяющего их огромного расстояния.

"Время завершить то, чего не дали сделать обстоятельства. Основываясь на этой непоколебимой истине, мы просим, чтобы ясный закон расчленил функции, слитые до настоящего времени в руках католического священника, но отныне уже несоединимые. Католический священник совершает религиозный обряд крещения и акт, устанавливающий рождение гражданина; две власти, глубоко различные по своей природе и по своим действиям, соединены в одном лице. Но если закон знает только граждан и не интересуется их религиозными верованиями, то общий интерес требует, чтобы ни одно рождение не могло от него ускользнуть. Как нельзя еврея или мусульманина заставить крестить их детей, так не принудить и родителей устанавливать через католического священника рождение ребенка, когда они не желают представить его к крещению. И если доказано, что акт, исключительно гражданский, должен совершаться гражданскими чиновниками; что форма этих актов должна быть тождественной для всех граждан; что она не должна отталкивать никого из них что подобное соединение разнородных функций в лице католического священника не может иметь места после признания истинных принципов, то те же соображения относятся к актам брака и погребения. Религиозный обряд бракосочетания и похорон совершается священником той религии, в которой человек жил, вступил в брак, умер.

"Но право устанавливать, что два члена общества вступили между собой в союз, что их дети законные и пользуются семейным правом; обязанность удостоверить, что гражданин умер, что его имущество переходит к наследникам, что его должности вакантны, что он подлежит исключению из списка плательщиков налога, эти обязанности лежат на государственной власти.

"Гражданская власть, исходящая только от общества, не имеющая ничего общего с религией, должна вручаться лишь гражданским чиновникам. Итак, мы сохраняем за католической религией все, что ей принадлежит, мы предоставляем прочим религиям все, чего нельзя отнять без нарушения справедливости; но мы возвращаем гражданской организации то, что составляет ее неотъемлемую функцию.

"При новом строе отец, исповедующий католическую веру, установив через гражданского чиновника рождение своего ребенка, затем дает ему крещение, и права его, таким образом, не будут нарушены; прочие граждане обращаются к тому же чиновнику и затем следуют предписаниям своей религии.

"Бракосочетание также не представляет особых трудностей; гражданский чиновник устанавливает взаимное согласие, обоюдные обязательства, и после подписания акта брак с точки зрения закона считается состоявшимся; затем уже католический брак получит благословение по обрядам римской церкви; не-католики сообразуются с обрядами своей религии; но все последующее остается чуждым и не должно интересовать гражданский закон; пусть каждый судит себя по совести своей.

"Последний долг усопшему должен быть отдан согласно обрядам той веры, которую исповедовал покойник, гражданский акт ограничивается установлением факта его смерти.

"Господа, мы считали, что наш долг, как муниципальных чиновников, сообщить вам о том злоупотреблении, которое имеет место, последствия которого могут оказаться губительными для общественного правопорядка.

"Мы полагали, что, как граждане, мы вправе были предложить вам ряд мер, которые представляются нам наиболее подходящими для упразднения тех злоупотреблений, на которые мы указываем вам в качестве должностных лиц; мы просим мудрого закона, который установил бы на будущее время регистрацию рождений, браков, смертей гражданскими чиновниками по форме, приемлемой для всех религиозных верований (повторные аплодисменты Собранию)".

Председательствовавший в Учредительном Собрании Трейляр (Treihlard) ответил:

"Не может быть более тяжкого злоупотребления, чем то, о котором сообщили вы Национальному Собранию.

"Отец, не заботящийся об установлении рождения сына по форме, установленной законом, вычеркивает его из списка граждан и обрекает его на своего рода гражданскую смерть. Долг Законодательного Корпуса взять под свою защиту детей, которых природа посылает нашей родине и обеспечить им с момента рождения те права, которых никакая власть не может их лишить.

"Религиозные обряды - дело совести каждого, и никакая человеческая власть не вправе проникать в святилище этого убежища; каждый вправе посвятить своего ребенка Верховному Существо в той форме и через посредство тех лиц, которых он считает особенно удобными Богу. Его религия - его собственность; эта собственность неотчуждаема; здесь гражданская власть не вправе предписывать; она только может требовать, чтобы общественный порядок не был нарушен. Таковы принципы, освященные Национальным Собранием, оно от них не отступит.

"Тот акт, который устанавливает, что два гражданина вступили в брачный союз, что новый гражданин родился или что общество лишилось одного из своих членов, - акт гражданский. Законодательному Корпусу надлежит установить его форму.

"Внимательно собирая все мысли, полезные для общего блага, Национальное Собрание примет к рассмотрению те вопросы, на которые вы обратили его внимание. Его комиссии представили ему уже проект соответствующего закона; ваше ходатайство, конечно, ускорит его рассмотрение.

"Национальное Собрание приглашает вас присутствовать в заседании".³⁸

Национальное Собрание постановило отпечатать речь Байльи и ответ председателя. Затем последовали короткие прения.

Мартэн Гомбер, депутат третьего сословия гор.Шомон (Chaumont) в области Боссиньи (Bossigny) и один из немногих крестьян, заседавших в Учредительном Собрании, потребовал, чтобы отложили вопрос, потому что, заявил он, "мы еще не созрели". Но прошло предложение Ланжюинэ и Шабру, и Национальное Собрание поставило этот вопрос на повестку дня.

Он обсуждался 17 мая. Дюран-Майльян снова представил свой доклад с ничтожными редакционными изменениями, которые должны были зажать рот тем, кто обвинял его в безверии. Ланжюинэ поддержал его. Но Мужен-де-Рокфор (Mougins de Roqueforts) воскликнул: "Это зажжет пожар в провинции!" Мартино представил возражения, вполне отвечавшие духу времени, и заявил, что предпочитает принятие меры, придуманной епископом Лангрским, общей лаицизации³⁹ гражданского состояния. "Перед вами стоит вопрос: изменить ли старый порядок, которому следуют 23 или 25 миллионов населения для того, чтобы двум - самое большее трем - миллионам людей облегчить законное установление брака, крещения, погребения или, положив в основу последний закон 1787 года, как это и предполагалось первоначальной постановкой вопроса, распространить его применение на современные отношения? Я предлагаю последнее решение". (Аплодисменты). Однако не все левые присоединились к Мартино: Трейляр и Приер-де-ла-Марн (Prieur de la Marne) [http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#prieur_marn] требовали немедленного введения принципа лаицизации.

Прения возобновились через день, 19-го мая. Рёбелль (Reubell) выступил и против проекта комитета и против проекта епископа Лангрского, защищавшегося Трейляром: "Дайте время этой нарождающейся секте - сказал он - угаснуть под тяжестью собственной нелепости (смех справа, аплодисменты слева), ибо они совершают столько безумств, что должны в конце концов навлечь на себя общественное презрение. Но если вы позволите лицам, желающим - Бог весть для чего - продать несколько церквей неконформистам, увлечь себя какими-то петициями, то вы дадите им жизнь своим нелепым декретом". Он напомнил писания епископа Лангрского, согласие его пожеланий с предложениями Трейляра и заявил, что он, Рёбелль, всегда "ненавидел всякие мнения, хотя бы и справедливые, если они направлены к нарушению порядка и служат мятежникам".

Дэтью-де-Траси (Destutt de Tracy), Дюпон-де-Немур (Du Pont de Nemours), умеренные, философы, отстаивали лаицизацию.

Но снова выступил крестьянин Гомбер с требованием оставить вопрос без рассмотрения, и это решение было принято, "после нескольких голосований и большого шума".

27-го августа 1791 г. Учредительное Собрание присоединило к конституции следующую статью: "Закон признает брак гражданским договором. Законодательная власть введет для всех граждан без всяких различий порядок установления рождения, брака, смерти и поручит государственным чиновникам регистрацию и хранение актов".

Итак, Учредительное Собрание приняв под конец принципиальное постановление о лаицизации гражданского состояния, но оно передало уже Законодательному Собранию

³⁸ Последнее - знак особого отличия, французская формула: vous accorde l'honneur de la seance. - Прим.пер.

³⁹ Лаицизация – laicisation. В виду отсутствия соответствующего русского термина здесь вводится новый термин - лаицизация, заимствованный с французского (laicisation), который в дальнейшем заменяет длинное описательное выражение "изъятие из ведения церкви". - Прим.пер.

заботу и ответственность проведения его в жизнь, - "прекрасное и славное наследие", скажет впоследствии Верньо.

III

Уже 9 октября 1791 года Законодательное Собрание столкнулось с вопросом лаицизации гражданского состояния. Это предложение заключалось в докладе Галлуа (Gallois) и Жансонне (Gensonne) [<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#gnsn>] о беспорядках в Вандее, прочитанном в этот день в Собрании; но стояло оно там случайно и приводилось, как пожелание католиков-нон-конформистов западных областей.

Во время первого обсуждения вопроса о непокорных священниках, ряд ораторов высказался в пользу лаицизации гражданского состояния: Бэр (Baert) и Гилэр (Hilaire) - 21-го октября 1791 года, Дюко - 26-го октября, Жансонне - 3-го ноября.

Нельзя не привести слова Дюко:

"...Государство не имеет ныне возможности установить существование своего гражданина. Отчего возникло это опасное злоупотребление? От недостатков вашего законодательства, от отсутствия государственных чиновников, устанавливающих права гражданского состояния независимо от всяких культов, от всякой религии. Можно ли отрицать правильность следующего совершенно ясного рассуждения: "общество признает себя не вправе вмешиваться в вопрос о том, как желаете вы ввести своего сына в лоно церкви, скрепить брачные узы священными обязательствами или совершить последний религиозный обряд над покойником. Ему надо знать, что родился новый гражданин, или что он вступил с избранной им подругой в торжественный союз, меняющий и расширяющий его общественные отношения, порождающий новые гражданские и политические права и новые обязанности, или, наконец, что ушел один из его членов, заплатив последнюю дань природе. Вам самим необходимо установить ваше существование перед законом, который вас защищает, который охраняет вашу личность, вашу собственность, ваши договоры. Необходима публичность, единообразие, обеспеченность, которых нельзя достичь, когда приходится обращаться к священнослужителям разных сект. Д потому пусть ваши священнослужители крестят или обрезают ваших детей, благословляют ваши браки, совершают торжественный обряд погребения над покойниками, - но затем идите и известите государственного чиновника, указанного законом. Если вам понадобится защита закона, вы же к нему должны будете обратиться; нам же безразличен ваш взгляд на действительность этих актов".

Помимо выступлений в Национальном Собрании, ряд заявлений появился в печати. Так, в приводившемся выше (глава II) письме, напечатанном в Мониторе 22-го октября 1791 г., Андрэ Шенье в следующих выражениях отстаивал лаицизацию: "Говорят, что многие граждане упорно обращаются к неприсягнувшим священникам для всех гражданских актов, связанных с церковной службой, и что это создает большие затруднения для семьи и для общества. Это весьма серьезное неудобство только доказывает всю спешность закона, разрывающего связь гражданского акта с церковной службой".

В провинции мера, предложенная епископом Лангрским, внушила католикам-нон-конформистам м. Верклоз (Verclause, департамент Drome) петицию о применении к ним эдикта июня 1787 г. То же пожелание передали правительству правление департамента Роны-и-Луары (Rhône-et-Loire) и Лионский дистрикт, заявляя, что эта мера скорее всего внесет успокоение.

Правление департамента Дрдэш оказалось смелее. 2-го ноября 1791 г., по предложению генерал-прокурора-синдика Буасси-д-Англас (Boissy-d'Anglas) [http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#bs_an], оно, принимая во внимание, что некоторые граждане - нон-конформисты воздерживаются от объявления рождений, постановило просить Национальное Собрание "издать закон, вводящий гражданский порядок установления

рождений и смерти граждан". До издания закона, оно в порядке незаконном, революционном, предписывало "муниципальным властям завести у себя книги записи времени рождения детей, относительно которых будет известно, что они не регистрировались в приходских книгах".

Опубликованное в Мониторе, газете весьма распространенной в то время, это постановление не могло пройти незамеченным.

Но Законодательное Собрание уже до того приступило к подготовке закона, изменяющего ведение записи актов гражданского состояния, обещанного еще в конституции. 3-го ноября 1791 г., оно передало этот вопрос в законодательную комиссию. Комиссия не спешила с разработкой закона, удовлетворявшего католиков-нон-конформистов, закреплявшего раскол и наносившего тем самым удар гражданскому положению о церкви. Только 15 февраля 1792 г. докладчик комиссии Мюрэр (Muraire) представил свой доклад Законодательному Собранию. 20-го февраля состоялось первое чтение проекта декрета, весьма напоминающего тот, который Дюран-Майльян представил Конституанте. Спешность вотирована не была и второе чтение началось только 17-го марта. И то Мюрэр добился этого только по случаю речи Франсуа-де-Нёфшато (Francois-de-Neufchateau), касавшейся непокорных священников и предлагавшей временно применить к нон-конформистам эдикт 1787 г., согласно пожелания епископа Лангрского. Во время открывшихся прений Эро-де-Сешель (Heraut-de-Sechelles) [<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#HS>], говоривший в общем то же, что Ланжюинэ говорил в Конституанте, предложил между прочим, чтобы в тех общинах, где только приходский священник сможет вести регистрацию, функции эти были поручены ему, с тем однако, чтобы метрические книги помещались не в церкви и не в доме священника, а в мэрии, и чтобы он вел эти записи не как приходский священник, а в качестве обыкновенного гражданского чиновника. Его предложение передали в комиссию, и отложили прения.

Они возобновились 10 апреля 1792 г. Верньо предлагал отложить рассмотрение статей проекта, касающихся брака, и ограничиться немедленным введением "конкретных форм установления личного состояния". Жолливэ (Jollivet) предложил назначить специальных чиновников для ведения этих актов; Лемонтэ (Lemontey) - вступительную статью с определенным заявлением, что закон не направлен против религии.

Затем наступил новый перерыв на два месяца, и прения возобновились только 19 июня 1792 года. В этот день Гойе (Gohier), депутат департамента Иль-э-Вилэн (Ille-et-Vilaine), впоследствии член Исполнительной Директории, внес предложение и представил контр-проект, формулировавший наши современные светские начала точнее и полнее, чем все предшествующие проекты, напоминающий программу светской республики первого периода "разделения", т.е. эпохи Конвента после Термидора и эпохи Директории.

Гойе с оригинальной новизной излагает принцип лаицизации в выражениях, которые нельзя не привести:

"Проект закона, столь давно ожидаемого всей Францией, отнюдь не направлен к узурпации функций церкви. Напротив, его цель - отделить эти функции от функций светских, по природе своей чуждых религии и принадлежащих исключительно к государственному строю; они отправлялись до настоящего времени священниками лишь в качестве общественных должностных лиц, а не в силу власти, сообщаемой им их духовным саном. Закон не желает умалить достоинство священнослужителей; он хочет только, чтобы они вернулись к исполнению прямого своего назначения, к своим священным функциям, и избавить их от чуждых занятий, отвлекающих их в ущерб обществу и религии. Словом, у них не думают отнять благого, драгоценного права молиться за граждан и нести им благословение. Но сообщение гражданских прав не может быть функцией священнослужителей; благочестивая рука церкви должна распределять одни духовные милости".

АЛЬФОНС ОЛАР
ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО
В ЭПОХУ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Перевод с франц. Н.Рубинштейна
Харьков. 1925

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

"Если речь идет о приобретении гражданских прав, если заключается договор, обязательство между двумя сторонами, под охраной авторитета закона, - то здесь вступает в свои права гражданский чиновник, его присутствие необходимо при создании этих уз; здесь надо соблюдать форму, установленную законодателем, а не церковный ритуал. Отныне здесь не может быть речи о священнике, ни тем более о епископе Римском, который может вязать и разрешать одни духовные узы, но не гражданские. Величайший позор для церкви, для общества - господство чужеземного священника, который торгует простодушием своей паствы, который, говоря о славе небесной, захватывает блага земные, вводит ограничения для браков, чтобы создать себе из разрешений доходную статью, и учит, что нет законов для богатых, которые за деньги приобретают право их нарушать. Величайший позор для церкви, для общества, что какой-то Римский священник может, по своей прихоти, утверждать и расторгать в разных государствах Европы первичный общественный договор, деспотически воспрепятствовать одному то, что он разрешает другому, и присваивать себе, таким образом, у отдельных народов гражданские функции именем религии, отвергающей все мирские интересы".

За этими общими рассуждениями следует критика отдельных частей проекта Мюрэра.

Согласно проекту ведение метрических книг поручалось муниципальным чиновникам. Гойе опасается, что для выполнения столь большого и кропотливого дела не везде найдутся добросовестные и способные работники. Это же возражение сделано было уже и другими ораторами, предлагавшими возложить эти функции или на чиновников» состоящих уже на государственном жаловании, напр., на мировых судей, или на общественных работников, на нотариусов, с назначением им специального жалования. Гойе поручает эту функцию учителям; но не жалкому школьному учителю своего времени, а тому, который явится, когда осуществляются планы комиссии по народному образованию и откроются повсюду начальные школы.

"С окончательным разрешением этого вопроса вы получите регистраторов для всех сельских общин; вы получите гражданских чиновников, способных вести запись рождений, браков, смерти граждан, прикрепленных к своему местожительству, как и католические священники, даже более неподвижных, чем они, по природе своих функций; гражданских чиновников, познания которых не будут ограничены несколькими жалкими богословскими и схоластическими принципами, затемняющими, а не просвещающими умы; гражданских чиновников, столь же выдающихся своим патриотизмом, как те своим эгоизмом; словом, гражданских чиновников» душой и телом преданных конституции. Сколько почтенных граждан, сколько отцов семейства, утративших свое положение с Революцией, станет добиваться чести избрания в наставники своих сограждан! Это единственный способ навсегда порвать с теократической формой правления".

Но Гойе не довольствуется этой лаицизацией гражданского состояния и передачей соответствующих функций учителям. Он хотел бы, чтобы нация окружила рождение, брак и смерть такую же торжественностью и занимательностью, как и католическая церковь.

Докладчику, предлагающему положить метрические книги в мерию, он прежде всего возражает, что общественные здания имеются далеко не во всех общинах государства. "Все граждане и самый муниципальный совет собираются, когда надо, в помещении церкви; не изберете же вы храма, когда речь идет о постановлении, основное назначение которого - отделить гражданские функции от религиозных". Итак, обойдется без церкви. На главной площади общины должен быть воздвигнут алтарь отечества, пред которым и

будет совершаться обряд при участии муниципальных чиновников, которые будут руководить этими торжественными церемониями, радостными или печальными.

Главное назначение этих церемоний, по мысли Гойе, гражданское воспитание французов:

"Зрелище новорожденного, зрелище соединения двух супругов, которые клянутся друг другу в любви и верности, волнуют даже мало-чувствительных людей; и даже варвар бывает тронут при виде гибели своего врага. Траурное погребальное шествие, напоминая каждому грядущий конец, приобщает его к печали семьи покойного. Облагородим же эти душевные чувства; придадим им гражданский отпечаток; используем момент душевного волнения, чтобы внушить доблести, подымающие, возвышающие душу над обыденным уровнем".

Гойе того мнения, что эти гражданские торжества "должны говорить не глазам, а сердцу":

"Когда приходит момент установить рождение французского гражданина, ребенок должен быть положен на алтарь отечества и представлен народным властям. В этом первом акте, которым отмечается человеческая жизнь, надо запечатлеть священный принцип, что все люди рождаются и пребывают свободными и равноправными. Внося имя ребенка в метрическую книгу, представители народной власти гарантируют ему именем народа свободу, равенство и правосудие; они объявляют, что нация - его вторая мать - не потерпит над ним даже ига заблуждения и обязуется дать ему образование, достойное свободного гражданина. Со своей стороны отец, родственник или другой гражданин, замещающий его в этой трогательной церемонии, обещает от имени ребенка верность нации, подчинение закону, уважение существующим властям; это гражданское крещение завершается возгласом "Жить свободным или умереть". Пусть отныне свидетельство о рождении француза содержит не только сообщение о том, что родившийся ребенок сын такого-то гражданина, но и взаимные обязательства гражданина перед родиной и родины перед гражданином; ибо звание гражданина - то почетное звание, которое мы передадим потомству, и этим званием по праву будет гордиться каждый, кто знает цену свободе и равенству".

Не вдаваясь в подробности церемоний брака и погребения, предложенных Гойе, я только приведу еще внесенный им проект закона.

"Ст. 1-я. Во всех общинах государства должны быть воздвигнуты алтари отечества, на которых будет начертана Декларация прав с эпиграфом: Гражданин рождается, живет и умирает для родины.

"Ст. 2-я. Пред алтарем провозглашаются законы.

"Ст. 3-я. Здесь же производится объявление о браке и обо всем, касающемся общественного порядка, запись юных граждан, достигших семнадцати лет, в национальную гвардию, а по достижении двадцати лет в списки активных граждан.

"Ст. 4-я. Пред алтарем отечества совершаются акты о рождении, о браке, о смерти.

"Ст. 5-я. Все эти акты должны совершаться с торжественностью, говорящей о человеческом достоинстве, о правах и обязанностях свободного гражданина.

"Ст. 6-я. Ведение метрических книг будет поручено выборным учителям начальных школ.

"Ст. 7-я. С момента опубликования настоящего декрета, муниципальные власти и члены общинного совета смогут временно, впредь до введения начальных школ, возложить эти функции на кого-либо из своей среды или на того из граждан, кого сочтут пригодным к тому.

"Ст. 8-я Комиссии по народному образованию, по районированию и законодательная должны представить в восьмидневный срок проект постановления о числе не обходимых преподавателей, о порядке их избрания, об их содержании, и о территориальном распределении школ.

"Ст. 9-я. Законодательная комиссия и комиссия по народному образованию должны совместно установить в такой же срок, какие гражданские церемонии должны сопровождать внесение юных граждан в списки национальной гвардии и в списки активных граждан и совершение актов о рождении, браке и смерти.

"Ст. 10-я. Национальное Собрание заявляет, что введение гражданских церемоний отнюдь не направлено к упразднению церемоний религиозных, свободное отправление которых вытекает из свободы культов, установленной конституционным актом для всех граждан".

Уже Франсэ-де-Нант в своем докладе от 26-го апреля предлагал введение таких празднеств. Но доклад Гойе, более пространный и систематичный, дает цельную организацию светской республики, ту самую организацию, которую - я опять повторяю сказанное выше - пыталась осуществить Директория с ее гражданскими празднествами, соперничавшими по своей пышности с празднествами католической церкви.

Законодательное Собрание не обсуждало проекта Гойе. 22-го июня оно постановило передать ведение метрических книг муниципальным властям. Прения продолжались с 25-го по 29-ое без всяких инцидентов. Можно разве отметить принятие предложения Седилье (Sedillez), заменявшего выражение "крестное имя", *nom de baptême*, просто словом "имя", *prénom*.

Обсуждение закона продолжалось с перерывами 16-го и 30-го апреля и 3-го сентября и закончилось принятием закона 20-го сентября "1792 года.

Этот известный закон за несколькими незначительными отклонениями вводит современный порядок вещей, включая и развод. Приведем только заключительную статью, которая предназначалась для успокоения католиков:

"Национальное Собрание, определяя на будущие времена порядок установления гражданами их прав гражданского состояния, объявляет, что оно не намерено вводить новшества или нарушать их свободу освящать рождения, браки, смерть обрядами того культа, которого они придерживаются и при участии священнослужителей этого культа".

Закон этот первоначально применялся не повсеместно и с теми проволочками, к которым французы привыкли еще при старом порядке; под конец, он получил применение во всей Франции уже во время террора, когда конституционные священники оказались вынуждены отказаться от своих функций, так что почти все приходские церкви были закрыты.

IV

Значение этого закона, вводившего лаицизацию актов гражданского состояния, для истории происхождения отделения церкви от государства настолько очевидно, что не требует доказательств.

Закон этот действительно является первым шагом к разделению.

Общественные функции, отправление которых особенно поражает народное воображение, оказываются в руках государства, и католическая церковь перестает играть обязательную для всех, официальную роль в самых волнующих событиях семейной жизни каждого гражданина. В эти торжественные дни его жизни, церковь и государство, хотя и связанные еще в народном воображении, отделены друг от друга в отправлении установленных законом функций.

Разногласия (в суждениях историков, прим. пер.) касаются не этого, а тех причин, которые так долго задержали голосование закона о лаицизации. Господствующее мнение видит причину этого в людской робости: они побоялись "зайти слишком влево", как мы теперь говорим, боялись слишком рано выйти из-под опеки католической церкви. Разум, принципы, соображения политики толкали их к скорейшей лаицизации; их смущали воспоминания детства, наследственные привычки, душевные настроения.

Приведенные тексты и факты не оправдывают этого мнения.

И неверен общий взгляд, что вся левая партия требовала лаицизации, что правые ей противились.

Напротив, первоначально именно католики, непокорные священники требовали передачи метрических книг гражданским чиновникам, чтобы избежать необходимости обращаться к своим ненавистным соперникам, конституционным священникам. С другой стороны, патриоты, революционеры, передовые люди выступают против этого и желают удержать метрические книги в руках официального клира, но не из благочестия и уважения к католической церкви, а для того, чтобы не укрепить, не утвердить раскола, создав возможность существования для католиков папистов.

Деятели Революции так долго медлили с лаицизацией гражданского состояния потому, что политика их была направлена к созданию единой национальной религии, слитой с государством и составляющей его неразрывную часть. Они решились на это лишь после неудачи Гражданского положения, убедившись в неосуществимости своей мечты о религиозном единстве, решились нехотя, и как бы признавая, что потерпели поражение.

Принятие закона 20-го сентября 1792 г. было победой философских идей, в сущности, более значительной, чем это тогда представлялось; последствия ее сказались лишь косвенно и на современников она не произвела большого впечатления. За исключением нескольких просвещенных граждан, люди того времени в большинстве своем видели в нем, надо полагать, не победу подлинной революционной мысли, а уступку, вырванную у патриотов католиками-папистами.

Впрочем, судя по молчанию газет, не обсуждавших вовсе этого важного акта, даже не упомянувших о нем, по молчанию первых историков Революции, являющих полное незнание условий и даже времени его возникновения, - можно придти к другому заключению. Среди шума оружия и смятения, вызванного вторжением австрийских и германских войск, - общественное мнение осталось просто равнодушным к закону о лаицизации, и последний прошел, не обратив на себя никакого внимания.

ГЛАВА IV. НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНВЕНТ до 9-го ТЕРМИДОРА (20 сентября 1792 г. - 28 июля 1794 г.)

I

Выше мы старались выяснить все этапы, связанные с применением Гражданского положения о церкви, подготовившие умы к проведению в жизнь отделения церкви от государства.

Когда собрался Конвент, Камбон [<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#cambon>] решил, что общественное мнение созрело для этой реформы, и выступил с предложением, оказавшимся столь же преждевременным, как и то, с которым он выступил еще в июле 1791 г., в качестве председателя Якобинского клуба Монпелье, требуя провозглашения Республики. 13-го ноября 1792 г. он заявил с трибуны Конвента, в качестве докладчика комиссии по финансовым делам, что ею готовится проект упразднения бюджета культов.

Ни газеты, ни клуб Якобинцев, ни Конвент не присоединились к предложению Камбона, а проект его взволновал всю провинцию и вызвал даже крестьянский мятеж в департаменте Ер-и-Луары (Eure-et-Loirs). 30-го ноября по предложению Дантона Конвент объявил "что он отнюдь не намерен отнять у граждан священнослужителей, которых они имеют по Гражданскому положению о церкви". Он повторил это заявление 11-го января 1793 г., а затем 27-го июня по предложению Барэра принял постановление о том, что "содержание духовенства лежит на обязанности общества". 10-го декабря 1792 г. он

оставил без рассмотрения предложение другого депутата, чтобы священнослужители не именовались впредь "должностными лицами государства".

Так, в течение первого года своей деятельности, Конвент всячески старается угодить общественному мнению, заявляя решительную преданность политике единения католической церкви с государством.

Но идея разделения, чуждая широкой массе французского населения, официально отвергнутая правительством, продолжала тем не менее развиваться.

Можно сказать, что этому благоприятствовала логика вещей, и прежде всего общий упадок религиозного чувства, вызванный применением, пусть даже неполным и ограниченным, принципов Декларации прав.

Вместе с тем церковное святилище утратило часть своего обаяния с того дня, когда народ вступил в него во исполнение декретов Учредительного и Законодательного Собраний (от 29-го сентября 1789 года и от 10-12 сентября 1792 года) об отправке на монетный двор церковной утвари из серебра, не необходимой для отправления культа, а впоследствии в силу декрета Конвента от 22-го июля 1793 года, предписывавшего перелить колокола в пушки, оставляя по одному колоколу на каждый приход.

Последовали и другие декреты разрушавшие обаяние святилища. 9-го декабря 1792 года, Конвент постановил, "что раз в неделю представитель муниципалитета будет читать в местах народных собраний все акты, опубликованные и разосланные в департаменты по распоряжению Конвента".

Декрет был предложен Манюэлем, заявившим, что речь идет о помещениях, предназначенных для целей культа, о церквях, и выразившим удивление, что приходские священники воспрепятствуют доступу в церковь "гражданским чиновникам". Жанбон-Сент-Андре (Jeanbon-Saint-Andre) [<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#gb-s-an>] напрасно возражал, что этим путем Конвент сообщит культам "видимость" законности: "Вы же не признаете и не должны признавать никаких культов". Депутат Трейляр и епископ Массье (Massieu) поддержали предложение Манюэля и добились его принятия.

Декрет этот, вводивший в храм гражданского чиновника, мог, конечно, рассматриваться и как результат, как проявление политики единения церкви с государством. Но фактически в нем увидели меру антирелигиозную, и так оно и было, ибо верующие были тем самым вынуждены выслушивать при случае чтение какой-нибудь петиции или "философского" адреса, полученного и разосланного Конвентом. Если хотите, этим до известной степени наносился даже удар свободе культов.

В то самое время, когда отмеченный ряд обстоятельств и мероприятий дискредитировал религию, возникло новое важное явление, имеющее большое значение для истории нашего вопроса: если до того одни только священники-паписты были предметом ненависти патриотов, той части народа, которой руководили клубы и секции, - то теперь и конституционные священники постепенно утратили популярность.

Выбранное в 1790 году, в пору господства монархического и буржуазного строя, конституционное духовенство встретило без всякого сочувствия торжество республиканской и демократической политики. Вот что говорил о Парижском духовенстве мэр города Парижа Петийон в заседании 5-го января 1792 года в докладе Конвенту о состоянии столицы: "Священники ведут против нас глухую борьбу, они смущают и запугивают одних, вводят в заблуждение других; они внушают первым предательскую вражду и возбуждают в других безумную ненависть, святую ненависть, как уверяют их они. Граждане законодатели, приходится говорить правду: многие из тех, которые заявили себя на первых порах самыми горячими патриотами, искали только доходных мест; мы будем чистосердечны и правдивы до конца, так как интересы Республики не позволяют умолчать: мы не колеблясь должны заявить, что не так боимся неприсягнувших священников, как происков этих прелатов, приносящих публично, всенародно присягу, которую они отвергают в душе".

Итак, в январе 1793 года жирондист Петийон уже не доверяет конституционному духовенству и считает его равнодушным к интересам Республики и демократии.

В то время жирондист Петион еще не сделался ярким противником монтаньяров и в отношении конституционного духовенства жирондисты те же Якобинцы. Когда затем жирондисты вступили в открытую борьбу с Горой, когда началась гражданская война, названная войной федералистической, большинство умеренных элементов присоединилось к Жиронде, и часть конституционных епископов и приходских священников, повидимому, также поддержала восстание. Монтаньяры, санкюлоты, одержав победу, возненавидели духовенство, которое считали в союзе со своими врагами.

До тех пор законы против священников имели в виду только папистов. Отныне конституционные священники сравнены с папистами и взяты под подозрение по закону 29-30 вандемьера II года⁴⁰ (20-21 октября 1793 г.), касающемуся не только неприсягнувших, но и присягнувших священников, против которых поступит заявление от шести граждан кантона. И с этого момента, с тех пор как Монтаньяры решили, что конституционные священники действуют заодно с федералистами и участвуют в заговоре против Горы, как в свое время паписты составляли заговор против всей Революции, деятели Революции стали смотреть на всех священников, как на своих врагов, как на врагов отечества.

Отсюда проистекает и то движение против христианской церкви, в котором патриотические тенденции несомненно господствуют над философскими.

Казалось бы, рассуждая логически, что это движение должно было немедленно привести к отделению церкви от государства. Оно привело, однако, к созданию новой государственной религии - к робеспьеровскому культу Верховного Существа. Тирания этой государственной религии была, правда, ограничена в принципе новым провозглашением свободы культов в Конституции 1793 г. и в декрете 16-18 фримера 11 г. (7-9 декабря 1793 г.).

Тем не менее культ Верховного Существа был настоящей государственной религией, быть может, даже в большей мере, чем тот, который был введен Гражданским положением, и служителями этого культа являлись сами должностные лица государства: председатель Национального Конвента, самый Конвент, муниципальные власти, депутаты, командированные на места (*representants en mission*).

Лишь после того, как эта новая государственная религия потерпела неудачу, отделение церкви от государства, наконец, совершилось, оставив в виде декадного⁴¹ культа одно слабое подобие государственной религии, и то совершенно лишенной, если можно так выразиться, религиозного характера.

II

Однако, и в период так называемого террора, в эпоху культа Разума и культа Верховного Существа, гражданское положение о церкви не было формально упразднено, и единство государства и национализированной католической церкви еще существовало по закону или, вернее, по имени.

Но уже отдельные мероприятия разорвали ряд звеньев связующей их цепи. Так, 16 брюмера II г. (8-го ноября 1793 г.) Конвент сочувственно принял депутацию граждан департамента Сены и Уазы (*Seine-et-Oise*), просившую о том, чтобы недавно освободившаяся у них епископская кафедра не была замещена. В тот же день, по предложению Барэра [<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#BB>], сделанному от имени Комитета Общественного Спасения, Конвент предоставил общинам право закрывать

⁴⁰ Революционный Республиканский календарь был введен во Франции постановлением Конвента от 5 октября 1793 г. Республиканская эра начиналась 22-ым сентября 1792 г., - год и день провозглашения Республики. Вандемьер (*Vendemiaire*) - первый месяц года. Календарь этот применялся до 2 сентября 1805 г., когда был окончательно упразднен Наполеоном. - *Прим.пер.* Доклад Фабра д'Эглатина Конвенту о реформировании календаря (октябрь 1793 г.); Декрет о датировании государственных актов; Декреты о новом летоисчислении; Инструкция к декрету.

⁴¹ Новый календарь заменил неделю "декадой", разделив каждый месяц - 30 дней - на 3 декады; вместо воскресения, праздничным днем считался каждый десятый день, *le decadi*. Замена воскресения декады, как праздничным днем, произошла еще раньше, чем отмена самого календаря, в 1802 г. - *Прим.пер.*

свои приходские церкви. 2-го фримэра 11 года (23-го ноября 1793 г.) он постановил выдавать пособие священникам, сложившим с себя сан.

Вскоре также был упразднен бюджет культа. С 6-го жерминаля II г. (27-го марта 1794 г.), в силу стесненности казначейства, перестали выплачиваться пенсии и, с другой стороны, содержание духовенству фактически не выплачивалось, поскольку отправление культа было упразднено почти повсеместно. Итак, во время революционного правления имело место фактическое отделение конституционной католической церкви от государства. Однако, и в этот период правительство не решилось легализовать этот фактический порядок вещей и провозгласить разделение.

Это не значит, что данный вопрос никем не поднимался. 16-го брюмэра II года (8 ноября 1793 г.) Леонар Бурдон (Leonard Bourdon) [<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#l-bourd>] заявил в Якобинском клубе: "Если Конвент намерен обеспечить свободу культов, если приходится еще прощать эту слабость нашему поколению, то во всяком случае он не может иметь в виду давать одному культу преимущества перед другими. Я предлагаю представить по этому вопросу петицию в Конвент. Пусть в районе каждой секции соединившиеся католики нанимают себе помещение и там, за свои два су, организуют те обряды, какие пожелают; но пусть государство перестанет содержать людей ненужных и опасных". Оратору аплодировали, но никакого постановления клуб не принял.

Отныне в Париже существует народное движение в пользу отделения, и в том же заседании Якобинский клуб посетила депутация от "Центрального Комитета 56 народных обществ Парижа", огласившая петицию, предназначавшуюся для Конвента и содержащую требование об упразднении жалования священникам. Эта петиция была прочитана в Конвенте в заседании 21-го брюмера 11 г. (13 ноября 1793 г.): "Мы просим закона, освобождающего граждан от обязанности участвовать в расходах на культ, к которому они не принадлежат. Пусть платят те, кто верит еще в небесные знамения. Республиканец признает лишь культ свободы, истины и разума. Пора перестать оплачивать обман и безделье".

Последовали аплодисменты. Затем начались прения. Соглашаясь в принципе с авторами петиции, Шабо и Тюрио возражали, что общественное мнение еще не созрело, и что его нужно подготовить. Конвент постановил отпечатать петицию в своем Бюллетене (Bulletin de la Convention) и выразить одобрение петиционерам. Что же касается вопроса о содержании духовенства, то Конвент не удовлетворил пожеланий петиции; он только поручил комиссии по финансовым делам и законодательной комиссии подготовить проект декрета о выдаче пособий священникам, сложившим с себя сан.

Проект закона был выработан, представлен депутатом Форестье (Forestier) 27-го брюмэра (17-го ноября) и принят с некоторыми поправками 2-го фримэра (23-го ноября). Во время прений Дантон [<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#dnt>] решительно высказался против лишения священников их жалования (Речь Дантона приводится в передаче Монитора):

"Граждане, французский народ высказал свое мнение; национальное сознание достигло своей вершины; царство священников кончилось; государственная власть принадлежит вам. Ваш долг утвердить то, что полезно народу, и отвергнуть то, что может погубить его или повредить ему. На чем основываете вы ваши решения? На сбережении крови ваших сограждан. Знайте же, граждане, что ваши враги хотят использовать для вашей гибели ту самую философию, которой вы руководствуетесь; они полагают, что, идя навстречу тем священникам, которых разум привел к отречению от их сана, вы станете преследовать тех, кто ослеплен заблуждением. Народ просвещен и справедлив. Собрание не желает содержать никакого культа, но оно ненавидит преследования и не чуждо гуманности. Граждане, предоставьте поддержку священникам; пусть только те, кто по возрасту своему могут избрать себе какое-нибудь занятие, не рассчитывают на поддержку нации после изыскания средств к существованию. Питт, упраздняя нетерпимость, рассчитывал, что страх перед вашими

преследованиями против священников явится серьезным препятствием вашему возвращению в Бельгию; отнимите у него эту надежду, пусть он научится чтить благородный народ, против которого он не перестает клеветать.

"Граждане, надо согласовать политику со здравым смыслом; поймите, что лишая священников средств к существованию, вы ставите их перед выбором между голодной смертью и присоединением к мятежникам Вандеи. Поверьте, что каждый разумный священник сам поспешит облегчить бремя республики и стать полезным гражданином, и что того, кто пожелает поднять знамя восстания, народ сумеет покарать, что его раздавит колесница революции.

"Я требую чтобы кровь народная не проливалась напрасно; я требую от Конвента справедливости ко всем, кто не заявил себя врагом народа.

"Граждане, если бы оказался всего один священник, лишенный занятий, лишенный средств к существованию, вы должны были бы ему эти средства дать. Будьте справедливы, разумны в своей политике, великодушны, как и сам народ. Он и в отлучении своем никогда не уклоняется от справедливости, всегда к ней стремится; возвестите же ее от имени его, и он будет приветствовать ваше решение".

Таковы те политические соображения, в силу которых Конвент постановил не лишать священников жалования, признав эту меру несвоевременной.

Однако, идея отделения отстаивалась попрежнему, и Монитор, орган крайне осторожный, не задумался поместить в номере от 12-го фримера II г. (3-го декабря 1793 г.) сочувственный отзыв об одной брошюре, излагавшей проект отделения. Автор брошюры, гражданин Бер (Bert, лицо неизвестное), восстал против того порядка веротерпимости, который был установлен гражданским положением о церкви и ставил остальные религиозные секты в положение подчиненности. С другой стороны, он указывал, что людей бедных это поневоле заставляло быть конституционными католиками; в противном случае им пришлось бы платить дважды: во-первых, официальному приходскому священнику и, во-вторых, священнику своего культа. И еще он указывал, что если Учредительное Собрание создало такую политическую организацию церкви, то это объясняется участием в ее выработке духовенства, представители которого составляли четвертую часть его членов. Но в Конвенте нет больше представителей духовенства, есть только граждане.

Он порицал далее меры против нон-конформистов. "Этим достигли лишь того, что превратили их в мятежников". Он говорил, что беседовал о религиозном вопросе более, чем с шестьюстами гражданами Парижа. Все они заявляли: "Мы-то не нуждаемся в религии, чтобы быть порядочными людьми; для этого достаточно иметь совесть. Но народ для этой меры слишком невежествен". И Бер прибавляет, что "никто не краснеет за свое лицемерие, так как оно стало всеобщим".

Он настаивал, чтобы со священников сняли заботу о воспитании народа, чтобы государство перестало их содержать: "они не имеют права собственности на это содержание".⁴² Только невежды обращаются к услугам священников. "Люди состоятельные, образованные граждане в большинстве своем обходятся без священников".

Справедливо ли, что народ не может привыкнуть к тому, что государство не будет оплачивать священников? На это Бер отвечает: "Народ в настоящее время легко обходится без театральных зрелищ; но если бы он пожелал доставить себе когда-нибудь это удовольствие, то он не станет требовать от закона обложения богатого, чтобы

⁴² Для того, чтобы смысл этого замечания был понятен, необходимо напомнить, что Декларация прав человека и гражданина как 1792 г., так и 1793 г. провозглашала неприкосновенность собственности. - *Прим.пер.*

АЛЬФОНС ОЛАР

ЦЕРКОВЬ и ГОСУДАРСТВО

в ЭПОХУ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦ
ИИ

Перевод с франц. Н.Рубинштейна

Харьков. 1925

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

доставить ему его маленькое развлечение. В худшем случае, так будет и с католическими церквями. Сначала будут в складчину оплачивать священника, а под конец такой порядок им, может быть, и надоест. Только женщины будут упорствовать и никогда не покинут священников; ведь сказано в песне:

Пока баба в чепце идет,
с голоду поп не помрет.
(Tant que femme portera beguin,
jamais pretre ne mourra de faim).

Тогда останется только упразднить во Франции моду на чепцы".

"Однако, и план гражданина Бера предусматривал переходные меры. Так, интересы отдельных священников не должны были при этом пострадать: лишь со смертью приходского священника или с оставлением им службы, граждане данной общины освобождались от оплаты священника.

Бер заявлял, что "происходит из департамента Ниэвр", (Nievre), но он отнюдь не претендовал на то, чтобы выражать по этому вопросу мнение своих сограждан по департаменту, в котором сам он, может быть, и не проживал. Таким образом, его брошюра не может служить показателем существования в провинции движения в пользу отделения, и следов такого движения не видно; было, может быть, несколько разрозненных выступлений, как выступление Якобинцев в г.Понтарлье (Pontarlier), вотировавших 30-го плювиоза II года (18-го февраля 1794 г.) адрес Конвенту против выдачи жалованья священникам.

Грегуар в своей книге (Histoire du mariage des pretres) упоминает аналогичную петицию "республиканцев города Оксэпп (Auxerre)"; но он не указывает времени ее возникновения, и текста его найти не удалось. С другой стороны, пятьдесят шесть народных обществ, представившие 21-го брюмера II года (12 ноября 1793 г.) петицию о лишении священников жалованья, этой петиции не повторили.

В общем же, в эпоху террора устанавливается как бы молчаливое и почти единодушное согласие отложить законодательное введение нового религиозного строя до того времени, когда успешное завершение национальной обороны позволит перейти к нормальной организационной работе.

На деле же государство светским: религиозных церемоний, церковных облачений не было видно; религии как бы не существовало, а содержание и пенсии духовенству больше не выплачивались. Когда же с победой при Флёрюсе (Fleurus) и падением Робеспьера [<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#MR>] закончился бурный период диктатуры, отделение церкви от государства явилось свершившимся фактом и легко получило санкцию закона.